

Захватывающий русский детектив

коммерсант

ДЕТЕКТИВ

Артем Черкизов

МАЛЫШ УБИЙЦА

За сладкое приходится горько платить

Малыш убийца

Артем Черкизов

**За сладкое приходится
горько платить**

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Черкизов А.

За сладкое приходится горько платить / А. Черкизов —
«ХАРВЕСТ», 2014 — (Малыш убийца)

ISBN 978-985-18-3559-7

Серия жестоких убийств парализует жизнь большого города. Хрупкое равновесие между властью, бизнесменами и криминальными группировками нарушено. Виной тому вышедший из повиновения, взбунтовавшийся наемный убийца по кличке Малыш. Он неуловим пока следует принципам: не испытывай жалости, не оставляй свидетелей, не заводи друзей. Малыш вплотную подходит к заветной цели – стать хозяином города, возвыситься над теми, кто посчитал его разменной монетой в своей игре. Но самым страшным испытанием для него становится не милицейская облава, не рейд боевиков, объединивших свои усилия, а встреча с девушкой, такой же одинокой, как и он сам. Впервые Малыш понимает, что неспособен хладнокровно убить, впервые дрогнула его рука... Жизнь щедра и одновременно жестока к тем, кто идет ва-банк. Человечность, проснувшаяся в душе талантливого убийцы, ведет его к проигрышу. И только потеря любимой делает Малыша сильнее его врагов.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3559-7

© Черкизов А., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Артем Черкизов

Малыш убийца. За сладкое приходится горько платить

Возраст – 35.

Национальность – на три четверти русский, на четверть кореец.

Рост – 165; вес 65.

Профессия – наемный убийца.

Хобби – одиночество, но на него никогда не хватает времени.

Вера – только в себя.

Кличка – до последнего времени – Малыш.

* * *

Он долго не соглашался на новое дело, упорствовал; в конце концов это разозлило Посредника, с которым он работал, через которого получал заказы. Посреднику шел с каждого гонорара процент, и он был кровно заинтересован в безусловном и своевременном исполнении.

Ясное дело, Посредник тоже рисковал, как и киллеры, которых он подыскивал, возможно, рисковал даже больше, чем они. Ведь исполнитель, сделав дело, на время исчезал из поля зрения окружающих, Посредник же неизменно оставался на своем месте, на посту, готовый в любой момент принять новый заказ. До этого у него никогда не возникало проблем с Малышом. Тот выполнял свою часть задачи точно, аккуратно, в срок. Клиенты оставались довольны. И вот – первый каприз.

– Кончай дурить! – кричал Посредник, то садясь, то вскакивая со стула, нервничая, в отличие от совершенно спокойного Малыша, который казался рядом с его толстой тушей подростком. – Ты уже не можешь отказаться, иначе тебя ждут неприятности, а какие, ты сам должен знать; так дела не делаются, я тебе уже назвал цель!

– Я не хочу лезть в политику, – бесстрастно вещал Малыш, не обращая внимания на явную угрозу. – Ты не должен был предлагать мне этот заказ. Ты меня подставил.

– Да не подставлял я тебя, Малыш! – трясся от усердия убедить заупрямившегося киллера Посредник. – Я первый раз от тебя слышу, что ты не лезешь в политику. При чем тут... бизнес ли, политика ли, когда платят? И хорошо платят! Да и какая тут политика, он что – борец за идею? Он же профсоюзный подлипала!

Малыш понимал, что отказываться поздно. Если киллеру назвали будущую жертву, он не имеет права отказаться. Это – одно из неписаных правил профессии. Иначе могут подумать, что ты спасовал или, того хуже, продался. Таких убирают. А Малыш не рвался в покойники.

– Я соглашусь при одном условии: такса должна быть увеличена на десять процентов, – сказал он нехотя.

Этот ход он придумал в последнюю минуту и надеялся, что его номер пройдет. Отказаться он не мог, но запросить несколько больше обычного ему никто не запрещал. И не мог запретить.

Посредник, на удивление, облегченно вздохнул, вытер лицо платком, ушел в соседнюю комнату. Вернулся минут через десять с сияющей физиономией. А Малыш сидел все в той же позе, не обращая внимания на жару, даже не шелохнувшись, словно каменное изваяние.

«Истукан чертов!» – подумал Посредник.

– Порядок! Ты получишь столько, сколько запросил – двадцать две, – сообщил он Малышу. – Можешь приступать. Вся информация я тебе дал. Но помни, ты должен успеть к пятому числу следующего месяца, иначе пропадает смысл всей затеи.

– Деньги, – Малыш перевел немигающий взгляд своих чуть раскосых глаз на Посредника, – деньги вперед. Всю сумму.

– Но я же никогда не подводил. Ты всегда получал полный расчет по исполнению работы. – Посредник вновь стер крупные капли пота, выступившие на лбу.

– За эту работу я хочу получить вперед, – Малыш чуть усмехнулся. – А вдруг мне приспичит, не заезжая домой, отправиться в долгосрочный отпуск?

Малыш знал, что за требование предоплаты ему смерть не грозит. Он ставит условия, а другие пусть решают, принимать эти условия или нет. Он же не отказывается выполнить работу.

«Представляю, что он сейчас обо мне думает, – усмехнулся Малыш, с интересом наблюдая за Посредником. – Ему ведь придется вновь связываться с клиентом, а даже самые спокойные из них не любят лишних разговоров. Но я из тебя и из него душу вытряхну, прежде чем соглашусь».

Посредник с багровым от подскочившего давления лицом тяжело поднялся и снова скрылся в соседней комнате. На этот раз он оставался там дольше. Но Малышу не было от этого ни холодно, ни жарко. Он мог бы при необходимости просидеть совершенно неподвижно, даже в самой неудобной позе, хоть сутки.

– Вечером получишь свои деньги, – Посредник вышел к нему выжатый, словно лимон. – Ты сведешь меня в могилу, – сказал убежденно. – Какая только муха тебя укусила?

– Бесплатно, – невпопад ответил Малыш.

– Что бесплатно? – не понял Посредник.

– Если и сведу тебя в могилу, то сделаю это бесплатно, – пояснил Малыш и не без удовольствия отметил, что тот из красного стал свекольнокирпичным. – Мы слишком долго с тобой работаем вместе, чтобы я драл за тебя деньги с чужих людей. Да и ты постоянно твердишь, что каждый заказ идет тебе в убыток. Считаю, сам оплатишь это удовольствие.

– Ну и шуточки у тебя, – выдохнул Посредник.

– Профессиональные...

* * *

Вот уже километров пятьдесят Малыш то и дело ловил взглядом в зеркальце заднего вида своего «жигуленка» фары одной и той же машины. Это могло быть и простой случайностью, хотя Малыш в силу своей профессии не очень-то верил в случайные совпадения. Но поскольку преследователь не проявлял излишней инициативы и держался пока на приличном расстоянии, паниковать не стоило.

Малыш же вообще никогда не паниковал. Он не был фаталистом, но к самому факту смерти, чужой ли, своей ли, относился очень спокойно, философски. Все равно смерти никому не миновать. Конечно, надо стремиться отодвинуть ее приход как можно дальше в будущее, но если все же окажешься с нею лицом к лицу, убежать бесполезно. Лучше вступить в поединок, и кто знает, на чьей стороне будет победа. Смерть, она тоже не всесильна. Ее можно обмануть, перехитрить, откупиться от нее на время, скажем, жизнью врага.

В тот же день, когда у него произошла размолвка с Посредником, часов в семь вечера ему передали деньги, всю сумму, двадцать две тысячи зеленых. И он сразу же выехал на дело. Ехал, как обычно, на машине. И поезд, и самолет неудобны тем, что ты поневоле оставляешь следы. Тебя видят, с тобою беседуют, тебя угощают, ты вынужден угощать в ответ, вообще, слишком

много свидетелей. А на машине ты один на один с дорогой, а дорога нема, как и машина, от которой к тому же всегда можно избавиться.

Для этой поездки Малыш подобрал себе старенькие и неприметные с виду «Жигули» с украинскими документами: техпаспорт и доверенность на пенсионера из Чернигова. Ему отрегулировали и подновили мотор, так что он мог на этом «драндулете» запросто выжать сто сорок километров в час. Вот и сейчас, пытаясь проверить, что за машина увязалась за ним, он, где это позволяла дорога, прибавлял скорость: чужие фары если и пропадали, то не надолго.

«Вот черт, – думал Малыш, – прилип как банный лист к заднице!»

В Кузнецке он должен был убрать профсоюзного лидера, который в преддверии местных выборов очень уж настойчиво требовал вернуть в госсобственность пару приватизированных предприятий, за счет которых в общем-то и существовал средних размеров город. Как вернуть? Да просто: отнять контрольный пакет акций у тех, кто приобрел их по сходной цене, предварительно собственными стараниями посадив предприятия на мель. Но слишком много было уже вложено в них, чтобы просто так взять и отдать. Решили поступиться малым – гонораром киллеру, – чтобы спасти основное. Двадцать две тысячи зеленых в такой серьезной игре – это не ставка, а так, мелочевка. Поэтому-то заказчик и пошел на все капризные условия Малыша.

Разложив перед собой карту, Малыш прикинул, сколько ему еще пилить до Кузнецка, где можно будет затеряться в путанице ночных улиц, оторваться от таинственного преследователя, найти место, чтобы припарковаться, поспать пару часиков, запастись бутербродами, кофе. При надобности Малыш мог обходиться без сна трое – четверо суток, не теряя при этом скорости реакции и ясности мыслей, так что пара часов сна для него была все равно что целая ночь для другого.

«Так, – думал он, бросая быстрые взгляды на карту, подсвеченную лампочкой, но не забывая и о дороге, – еще часа три, потом дамба, а там и Кузнецк».

* * *

Все складывалось как нельзя лучше: уже на окраине, поплутав самую малость, он, кажется, отделался от преследования, там же нашел укромное местечко, чтобы скоротать остаток ночи. От бутербродов и кофе без сожаления отказался: еще, чего доброго, потом не заснешь.

Проснулся точно в то время, которое назначил себе.

Адрес у Малыша был в голове. По приезде в центр он сразу же поставил машину на стоянку возле местного универмага. В том, что ее не угонят, он не сомневался: слишком уж неприглядна с виду, кто на нее позарится, когда рядом стоят настоящие красавицы-иномарки. Рассудив так, отправился пешком на разведку.

Нужный дом нашел сразу. Постоял, прошелся взад-вперед, приглядываясь к каждому, кто выходил из подъезда. Наконец показался и профсоюзник: мужик лет под сорок, худой, сутулый и высокий, с большим носом. Полное сходство с фотографией, которая лежала у Малыша в кармане. А то бывает так: человек в жизни один, а на фото выходит совсем другой.

Малышу не хотелось задерживаться в Кузнецке надолго: город невелик, каждое новое лицо в центре кем-то берется на заметку, тут лучше действовать быстро, пусть и грубо, – меньше следов оставишь, больше паники поднимется. А паника всегда на руку киллеру: никто не знает, где и кого искать. Вдобавок много советчиков и каждый старается, чтобы его услышали. Поэтому Малыш и решил действовать без предварительной подготовки, а время до прихода профсоюзника с работы убить где-нибудь за городом.

Под вечер вернулся к машине, взял из багажника все, что могло ему понадобиться, и вскоре вновь стоял у нужного дома. Оставалось найти повод, чтобы тебе открыли без лишних

расспросов. А он знал, что люди безоговорочно верят в банальности. Придумай что-нибудь оригинальное и – провал. Сморозил банальность – принимается как должное.

– Кто там? – услышал он негромкий, несколько в нос женский голос, когда нажал на кнопку звонка.

– Свиридовы тут живут? – ответил вопросом на вопрос.

– Тут, – за дверь открыли пока еще только один замок. – А что такое?

– Телеграмма для Петра Савельевича из Москвы, – сказал он, – правительственная.

Сразу же открылся и второй запор, дверь распахнулась. На пороге стояла высокая, под стать мужу, костлявая женщина.

– Расписаться надо, – Малыш сделал попытку заглянуть в комнаты.

– А он как раз в ванную полез мыться... – виновато начала было объясняться женщина, но Малыш не дал ей договорить.

Стоять у порога и беседовать было не в его интересах. Следовало поскорее войти в квартиру, захлопнуть дверь, не светиться на лестничной площадке, не попасться на глаза другим жильцам дома, которых тоже пришлось бы убирать как свидетелей. Он шагнул прямо на женщину, та вынужденно отступила, забыв закрыть рот, а он уже извлек из сумки короткий, остро заточенный ломик и несильно, но точно нанес женщине удар в область височной кости. Та, так и не произнеся ни звука, рухнула на пол, и он на все сто был уверен, что она мертва. Этот удар Малыш использовал довольно часто.

Дверь он закрыл за собой как раз вовремя: снизу кто-то подымался по лестнице.

– Маша, кто там? – раздался голос из ванной комнаты, перекрывая шум воды. – Если ко мне, я через пять минут выхожу!

Малыш не стал ломиться в ванную, у него еще оставалось несколько минут, чтобы осмотреть остальные комнаты и убедиться, что больше никого в квартире нет. Он бесшумно, по кошачьи, двинулся в сторону кухни.

Осторожничал не зря: мужик, – сзади его лысина светилась, как начищенный медный чайник, так загорела на солнце, – сидел за кухонным столом и прихлебывал чай.

– Ну что, Маша, скоро там твой? – спросил мужик, не поднимая головы. – А то я не стану его ждать, пойду, завтра решим. От чая уже разбух.

Удар тем же ломиком по лысине он поймал в тот момент, когда, не дождавшись ответа, начал оборачиваться. Лысина на глазах словно раздвоилась, и в образовавшийся пролом полезла розовая подрагивающая масса. Но на Малыша подобные зрелища не производили впечатления. Он работал, а работа диктовала свое восприятие происходящего. Сейчас все его действия напоминали действия запрограммированного робота. Никаких эмоций, только движения. Удар, дело сделано, надо двигаться дальше.

Вдруг шорох позади заставил его резко развернуться, выставив вперед левую руку для защиты, а правую занеся для удара.

«Черт, кошка», – выдохнул он.

Конечно же, вечером профсоюзник не мог сидеть дома один, но и соседи заходят в гости не каждый день. Малыш перешагнул через мертвое тело как раз в то время когда открылась дверь ванной комнаты. Из нее вышел в коротком банном халате тот, ради кого кто-то не поспешил на двадцать с лишком штук.

– Вы кто? – спросил хозяин квартиры и тут же осекся, словно проглотил язык. Его взгляд упал на раскроенный череп соседа, потом скользнул дальше, к двери в прихожую, из-за косяка которой виднелись ноги лежащей женщины. На тощей шее дернулся вверх-вниз узловатый кадык. – Вы кто? – прошептал он.

Малыш любил работать просто, не придумывая ничего сверхъестественного, садистом он не был. Здоровая психика – залог успеха, считал он. Зачем придумывать колесо, если его уже придумали? Зачем человека топить, если к ногам его уже привязана железка? Тут же,

пока хозяин квартиры переваривал увиденное, не получая ответа на идиотский в своей наивности вопрос, Малыш вновь опустил ломик теперь уже на оплаченную голову. Удар пришлось повторить, именно потому, что за эту голову ему и заплатили. Второй удар – вместо контрольного выстрела, чтобы иметь двести процентов гарантии.

«Все, я свои бабки отработал, – подумал он, шагнув к двери. – Так, нигде не оставил следов?»

Малыш взглядом проделал маршрут, которым двигался по квартире. Нет, следов остаться не должно. Он ни к чему не прикасался.

«Пора уходить».

Прошло всего три минуты с того момента, как он переступил порог этой квартиры.

Глянув в дверной глазок, убедился, что на лестничной площадке никого нет, выскользнул за дверь, бесшумно прикрыл ее за собой, механически зафиксировав в памяти, что замки защелкнулись.

«Ну вот, дня два – три они пролежат, пока соседи не догадаются позвонить в милицию. Времени вполне достаточно, чтобы смыться».

«Жигуль» стоял на месте, он бросил сумку с ломиком в багажник, завел мотор и погнал к выезду из города. Благо, кольцо колбасы, полбуханки хлеба и большая бутылка сока были куплены еще днем. Кажется, сразу за городской чертой к нему прицепилась та же машина, которая не давала ему покоя минувшей ночью.

Признался себе, что днем он бы ее не узнал, – только вот так, по фарам, «по глазам». Но в целом мысли его были о другом.

«Дубовая работа, – думал он. – Зачем для нее им понадобился такой спец, как я? Обычно для подобного дела нанимают костолома, цена которому штука-две. Может, они были уверены, что вернут свои двадцать штук назад?»

Как только эта мысль пронеслась в голове, рука Малыша нырнула под сиденье и выудила оттуда, пистолет. Сунул его за брючный ремень.

«Пригодится, – словно оправдываясь, сказал себе Малыш. – Чем черт не шутит».

Промелькнул знак: впереди сужение дороги. Малыш сбросил скорость. Через полсотни метров машина выскочила на деревянный мост через реку. Дальше дорога пролегла по дамбе. С одной стороны – неширокое проточное озеро, с другой – подернутое ряской болото.

Малыш вздохнул с облегчением: самое опасное место он миновал. Прибавил скорости. И вдруг, когда мост уже остался далеко позади, фары его автомобиля выхватили из темноты...

Да, его-таки поджидали. Увидев впереди темную массу машины, перегородившей проезд, Малыш все понял и, резко нажав на тормоза, стал было разворачиваться. Но сзади сквозь стекло ударил яркий свет от фар другой машины, отрезавшей ему путь к отступлению.

Передняя машина тоже включила фары, и теперь Малыш в своих «жигулях» напоминал себе коверного клоуна, выполняющего во время перерыва между номерами некую заученную репризу. Посидев немного, он понял, что противники тоже не очень-то торопятся.

«Бойтесь! – злорадно усмехнулся он. – Надо брать на испуг. Вперед! Должно повезти! А не повезет – жалеть об этом все равно некому».

Он вышел из машины и двинулся вперед, стараясь держаться на линии, соединяющей машины его врагов: открыв огонь, они рисковали бы перестрелять друг друга. Когда до ярко освещенного участка остался какой-нибудь метр, он услышал звук передергиваемого автоматного затвора и приказ:

– Брось пистолет, он у тебя за поясом! И не дури, прошью насквозь!

Мысли Малыша металась в поисках спасения. Одна безумнее другой, они напоминали ему мышей, попавших в мышеловку.

«Это надо было предвидеть и уходить из города другим способом, бросив машину...» А он схалтурил, легкий результат расслабил его. И теперь вот расхлебывай!

«Все дороги из городка перекрыть им бы не удалось. Они перекрыли самую вероятную и попали в десятку!»

Малыш без спешки вынул пистолет и, держа его двумя пальцами за ствол, поднял над головой.

– Бросай сюда, – приказал голос. – Но аккуратно!

«Вот она, возможность! – Малыш решил действовать. – Большого они мне уже не позволят».

Бросив пистолет в темноту, на голос, он в два прыжка пересек освещенную площадку и, перевалившись через дорожное ограждение, побежал по бетонным плитам откоса к воде. Вслед ему громынули автоматные очереди. Малыш покатился, пули высекали из камня искры, и пока он докатился до воды, четыре пули попали в него.

Он больше не слышал очередей, впившиеся в тело пули напрочь лишили его слуха, он лишь чувствовал мгновенные удары страшной силы, словно в него вколачивали тяжелым молотком огромные гвозди...

Холод ночной воды так и не привел его в чувство. Подводное течение вынесло тело на поверхность, развернуло. До поры его спасало то, что под кожаной курткой держался воздух.

Те, кто стрелял в него, бросились к ограждению, перегнулись через него, вглядываясь в поверхность всклокоченного волнами озера.

– Попал? – поинтересовался старший из «перехватчиков».

– Конечно, я же его не догонял очередью, а вперед прицелился, и он сам под пули лег, – прозвучал ответ.

– Смотри, хозяин голову оторвет, если что не так.

– Не веришь – спустишь по откосу, поплавай. Точно говорю – найдешь.

Но пожилой все же не поверил на слово тому, стрелявшему, спустился к воде, прошел по ослизному бетону метров сто, внимательно вглядываясь в воду и подсвечивая себе фонариком. В правой руке он держал пистолет. Бандит рассчитывал, что волны должны прибить труп к берегу. Если, конечно, его напарник не промахнулся.

– Ну что? – крикнули с дамбы. – Есть что-нибудь?

– Пока ничего, – ответил старший и тут же ощутил под ногой что-то мягкое. В испуге отпрыгнул назад, выставив перед собой пистолет, потом, собравшись с духом, осветил подозрительное место. – Нашел! – крикнул он, когда увидел тело Малыша. – А ты не промазал. Его волнами на откос вынесло.

Малыш лежал по пояс в воде, слипшиеся волосы закрывали лоб и глаза, нижняя часть лица и светлая рубашка розовели от крови.

– Готов!

– Столкни его в воду, пусть плывет по волнам, – послышалось с дамбы.

Ткнув носком ботинка Малыша в бок, пожилой положил фонарик на землю таким образом, чтобы он освещал нижнюю часть откоса, нехотя разулся, закатал брюки и первым делом тщательно осмотрел одежду Малыша, выгреб из карманов все, что там находилось. Брезгливо взял Малыша за ноги, стащил в воду и подтолкнул. Волны легко подхватили тело и понесли в темноту.

Тем временем на дамбу въехала еще одна машина. Из нее, тяжело дыша, вывалил свое грузное тело Посредник.

– Ну что? – спросил он. – Все в порядке?

– Ажур, – ответил ему тот, что стрелял из автомата. – Чистая работа... Серый его плыть отправил.

Пользуясь темнотой, Посредник осторожно достал из внутреннего кармана куртки пистолет и переложил в боковой, откуда руку уже не вынимал.

– Поторопи его.

– Серый, ты скоро?

– Иду!

Внизу запрыгал свет фонарика, выхватывая из темноты плиты облицовки откоса. Немного погодя на дороге появился и сам Серый.

– Выключи фонарик, – приказал ему Посредник. – Глаза слепит, а нам еще ехать.

Фонарик погас.

И тут же раздались несколько выстрелов, после которых наступила тишина, прерываемая лишь слабыми стонами. Затем фонарик вновь вспыхнул, теперь уже в руке у Посредника. Он осветил сначала одного лежащего на асфальте, потом второго. Стонал второй. Посредник подошел и выстрелил ему в голову. Стоны прекратились.

– Вот теперь и впрямь чистая работа, – бесстрастно сказал он.

Немного постояв, принялся за «зачистку местности». Мертвецов одного за другим без особого труда сбросил в озеро, с машинами же пришлось повозиться. Сначала он завел «Жигули» Малыша, предварительно их обыскав. Все это делал, не снимая перчаток, чтобы нигде не оставить отпечатков пальцев. Поставив «Жигули» на скорость, он убрал тормоз, и машина, сломав ограждение, с тяжелым «у-ух» ушла в темную воду. За нею тем же путем отправилась и вторая. В считанные минуты дамба опустела, лишь мерцали в ночи, быстро удаляющиеся габаритные огни машины Посредника.

* * *

Что-то тяжелое и темное ткнулось в резиновую лодку, которая тихо покачивалась посреди озера. Задремавший рыбак, мужчина пенсионного возраста, очнулся и с ужасом увидел поверх воды чье-то восково-бледное лицо. Рыбака чуть не хватил удар. Волна страха прошла по его телу мелкими мурашками, на секунду зажав в железном кулаке и сразу же отпустив уже порядком потрепанное сердце.

«Во блин! Утопленник!»

Вооружившись коротким веслом, он попытался оттолкнуть утопленника, неприятностей с милицией ему не хотелось, но внезапно услышал тихий не то стон, не то вздох.

«Неужто живой?» Рыбак сразу же отбросил весло, потому что одно дело, когда перед тобой просто утопленник, а совсем другое, когда этот утопленник вдруг подает голос.

– Эй, – тихо позвал рыбак, – ты что, живой?

В ответ он опять услышал нечто вроде тихого стоны-вздоха. Видимо, человек, хотя и был без чувств, что-то еще механически предпринимал, чтобы держаться на плаву.

«Живой! Его мать!..»

Лодка была большая, с двойным дном, рассчитанная на трех человек. Рыбак придвинулся поближе к тому краю, где белело лицо, и ухватился за мокрую кожаную куртку. Ему стоило немалого труда перевалить утопленника через борт, да еще так, чтобы и самому не перевернуться.

Когда это ему наконец удалось, рыбак наскоро смотал удочки, обрезал ножом веревки с грузами, державшими лодку посреди озера, и торопливо погреб к берегу, где у него стоял выдавший виды «Москвич». Время от времени рыбак переставал грести и прислушивался. Да, ему не показалось, в молодом мужчине, действительно, еще теплилась жизнь.

Нос лодки ткнулся в пологий берег. Рыбак выскочил на песок и, перебросив веревку через плечо, потащил лодку с неизвестным к темнеющей на обочине машине. Открыв обе дверцы, как-то исхитрился взвалить тело на заднее сиденье. Чтобы не возиться с лодкой, спрятал ее вместе с удочками в кустах.

До Кузнецка было двадцать километров – полчаса небыстрой езды. Рыбак выжимал из своего старичка-«Москвича» все возможное. На окраине города с боковой улицы выскочил гаишный «жигуленок». Рыбак облегченно вздохнул, нажал на тормоза.

– В озере выловил, – объяснил он патрульным. – Был живой, сейчас – не знаю, но дышал. Я там все бросил и – в город.

Гаишники перегрузили неизвестного к себе и, предупредив по рации клинику, с включенной сиреной рванули туда. А старика-рыбака отпустили, взяв, правда, у него координаты и сказав, чтобы завтра сам явился в отделение.

* * *

Будь выловленный в озере неизвестный, который, когда его привезли в клинику, еще подавал признаки жизни, рядовым утопленником, попавшим в воду по неосторожности, или пытавшийся таким образом покончить с собой, дело, конечно, быстро бы прикрыли. Но в его теле обнаружилось целых четыре пулевых ранения из автомата Калашникова!

С этим предстояло серьезно разбираться. И сразу же, с самого утра, не дожидаясь рыбака, нашедшего раненого, следовательская группа сама приехала за ним. Старик лишь недавно явился домой, потому что ему пришлось возвращаться за лодкой и снастями, не спал почти всю ночь и собрался было отдохнуть.

– Нам надо побывать на месте, где вы его нашли, – виновато развел руками следователь, которому поручили вести дело, майор Морозов. – Похоже, в воду он попал не по своей воле.

– Жив? – поинтересовался старый рыбак, на скорую руку заваривая себе чай прямо в кружке.

– Не знаю, как сейчас, – ответил Морозов. – Но, когда доставили в больницу, еще дышал. Подъехали к тому месту, напротив которого старик рыбачил.

– Вот там, на середине озера, я обычно и стою, – показал он. – На живца там судак ночью хорошо берет.

Приехавшие с майором сотрудники прошли по кромке воды, внимательно осматривая берег. Вскоре все вернулись к машине.

– Чисто, – сказал тот, что ходил вправо.

– То же самое, – кивнул другой, ходивший в левую сторону.

– Откуда же его могло пригнать? – задал самому себе вопрос Морозов. – Не с неба же свалился.

– А может, с дамбы? – несмело подсказал рыбак. – Тут, в двух километрах. Привезли на машине и выбросили.

– Может, и так... – майор приподнял правую бровь. – А что, все равно другой версии у нас пока нет. – Вы с нами на дамбу съездите? – спросил, словно извиняясь, у рыбака. – А потом мы вас отвезем домой.

– Работайте, работайте, обо мне не думайте, у меня все равно по ночам бессонница, как впрочем и днем. Я лишь к вечеру, часов с шести и до одиннадцати, могу спать. И сам не знаю, отчего такая дурная привычка появилась.

До того места, где начиналась дамба, добрались минут за двадцать; пришлось сделать небольшой крюк. И как только машина оперативной группы проехала по ней километр, майор увидел свежий пролом в ограждении.

– Стоп! – приказал он водителю.

Вся группа собралась возле пролома, осматривая пятна крови на асфальте, в зеленоватой воде маячили очертания двух машин.

– Тут все и произошло, – уверенно сказал майор. – Садитесь, отвезете его, – кивнул в сторону рыбака, – организуете водолаза, экспертов, тягач, в общем, всю технику, какая требу-

ется в таких случаях. А мы пока вот с ним, – Морозов взял за локоть своего временного зама, капитана Никитина, – походим, посмотрим, вдруг что и найдем.

Но ничего существенного обнаружить им не удалось. Впрочем Никитин высказал предположение, что на дамбе во время ночного происшествия было не две машины, а как минимум, три.

* * *

Малыш ощущал себя странно: в виде некоей воздушной массы, в которой лениво парили отдельные мысли, образы, воспоминания. Вспоминалось, к примеру, как отец всегда смеялся над ним и братом, когда они приходили к нему жаловаться на ушибы, ссадины, синяки, полученные во время уличных драк с другими мальчишками.

– У нас порода такая, что все заживает, как на собаке! – говорил, он. – На дикой собаке, той, что живет сама по себе.

Отец редко произносил вслух свою вторую фамилию – Цой, которая до недавнего времени красовалась в паспорте Малыша. Зато он часто вспоминал Приморье, его леса, в которых провел большую часть жизни. Нет, он там не охотился, он торговал. Причем умудрялся находить общий язык как с властями, так и с местным населением, с контрабандистами, с русскими военными. С последними делать деньги было легче всего: они брали все подряд. Они же и помогли ему в один из черных дней, когда у него возникли неприятности и им вплотную занялась милиция – грозил большой срок за валютные махинации.

Русский подполковник, командир эскадрильи истребителей, за тысячу долларов и килограмм речного жемчуга устроил так, что отца вместе с сыном (старшим братом Малыша, которого еще не было на свете) переправили на военном самолете в европейскую часть Союза.

– У нас не пропадешь, – говорил полковник, пересчитывая доллары, – среди русских столько косоглазых живет, – затеряешься среди них и все. У нас скоро коммунизм будет, паспорта отменят. Но если хочешь, я тебе за пятьсот таких же зеленых красавцев достану настоящий документ – серпастый-молоткастый. Ты со своим засвеченным паспортом можешь до коммунизма и не дотянуть.

Отец согласился. Поработав с полгода на небольшом уральском заводе, он стал прикидывать, куда бы рвануть дальше, варианты имелись, но для этого требовались деньги, а его пятьсот «паспортных» долларов, отданных еще в Приморье, пропали безвозвратно: подполковник обеспечил доставку, а о своем обещании насчет «серпастого-молоткастого», видимо, позабыл. Поняв, что его провели, отец просто-напросто сбежал с завода, и для него с четырехлетним сыном началось время скитаний.

В конце концов, отцу удалось прибиться к бродячему, или, как значилось на афишах, передвижному цирку. Для этого он продемонстрировал художественному руководителю пару фокусов, которые передавались у них в семье из поколения в поколение. Не каждый, например, мог расколоть ударом кулака толстую доску или несколько положенных один на другой кирпичей. Они столковались. Из уважения к столь редкостному искусству, используя свои связи, художественный руководитель выправил отцу трудовую книжку и профсоюзный билет. Так и появилась фамилия Цой, гордиться которой у Малыша не было никаких оснований.

* * *

– Ну что? Выживет? – спросил Морозов у главного врача, внимательно вглядываясь в лицо молодого мужчины, а скорее – подростка с чуть широковатыми скулами и едва заметной азиатской раскосостью глаз.

– Пока он в коме, ничего определенного сказать не могу. Но раз до сих пор не умер, значит, надежда есть.

«Странно, пареньку на вид лет четырнадцать— пятнадцать, а он попадает в такую переделку, – думал майор. – Может, просто случайно стал нежелательным свидетелем и его убрали? Да, но как он оказался на дамбе ночью? Надо срочно выяснить, местный он или нет».

– Доктор, сколько, по-вашему, ему лет? – спросил у врача.

– Мне кажется, где-то около тридцати, – ответил тот. – Хотя на вид столько не дашь.

* * *

Как ему надоело лететь по темному тоннелю без малейшего намека на то, что где-то впереди он заканчивается, что есть выход на свет, к солнцу, к теплу, к жизни! В бреду он опять видел отца и брата.

...Отец сошелся с женщиной, которая тоже работала в цирке, акробаткой. Она была намного младше отца, выше его, крупнее. Но что-то отец сделал с ней или с ее волей такое, что она смотрела на него, как верная собачонка – преданно, прямо в глаза. Многие удивлялись, особенно мужчины помоложе отца и, по совести, куда симпатичнее с виду. Завидовали, но ничего не могли поделать: мать видела в этом мире его одного.

Она была красивой женщиной. Несколько раз прежний ее ухажер порывался отомстить отцу, но не находилось охотников ему в этом помочь – боялись. В свои почти пятьдесят пять отец запросто мог одолеть одновременно нескольких противников. И все это знали, ибо все цирковые трюки отца были на этом построены. Он по-прежнему под ликование публики крушил на манеже кирпичи, доски.

Родив и вынянчив Малыша, мать прожила недолго. Во время одного из выступлений в глухом сибирском городке не выдержало крепление старого шатра, в котором они выступали, и она упала на манеж с десяти метров. Смерть, на ее счастье, была мгновенной. Отец вновь стал холостяком, теперь уже до конца своих дней, правда, теперь рядом с ним были два сына.

Старший брат не любил Малыша. Вернее, просто не замечал его. Ему было все равно, что с младшим, где он, куда пропал, сыт ли? Он полностью был поглощен тем, что постигал отцовские премудрости, секрет тех необычных способностей человека, что передавались у них в роду от отца к сыну и неплохо кормили их семью все эти годы.

Малыш вспоминал: когда ему было лет семь, он подошел к старшему брату, уже почти взрослому, имевшему (не шуточки!) солидный номер в программе, и попросил, чтобы тот научил его ходить на руках. Старший как раз ужинал, и у него в руке была чашка с горячим чаем. Выслушав просьбу Малыша, он ни с того ни с сего швырнул ему в лицо эту чашку. Она рассекла Малышу бровь и обожгла кипятком лицо. Мальчонка громко заревел и бросился к отцу жаловаться.

– Как это произошло? – спросил отец, питавший слабость к младшему сыну, напоминавшему ему мать, которую он любил и помнил.

Выслушав сбивчивый рассказ продолжавшего всхлипывать Малыша, посмотрев на его залитое кровью из рассеченной брови лицо, сердито сказал:

– Твой брат поступил нехорошо. Но все равно нечего плакать, мужчина не плачет. Заживет, как на дикой собаке. Если просишь, чтобы тебя научили тому, что можем мы, всегда будь готов к удару. Всегда! Где бы ты ни был, кто бы перед тобой ни стоял, будь готов отразить удар. А теперь иди!

Так Малыш впервые столкнулся с тем, что потом постигал в течение почти пятнадцати лет, пока был жив отец.

После его смерти они со старшим братом разлучились. У каждого теперь была своя жизнь. Брат остался в цирке, ему платили достаточно, а Малыш подался в «свободное плава-

ние». О его новой профессии знал лишь один человек, но это бы не брат. Да и что их теперь связывало? Они даже не были похожи друг на друга. Старший брат смотрелся типичным выходцем из юго-восточной Азии, маленький, щуплый, с узкими глазами, плоским желтым лицом. А Малыш многое позаимствовал у матери. Он был повыше брата, кожа белая, глаза только чуть-чуть раскосые, лицо как у европейца – вытянутое, разве что скулы малость широковаты. Да и волосы не жесткие и черные, а каштановые и мягкие.

Когда он в очередной раз пришел к брату с просьбой обучить его кое-каким приемам борьбы, то уже был готов к удару и успел увернуться. После этого брат стал учить его тому, что постиг от отца сам. Вскоре и отец заметил, что младший быстро прогрессирует, и стал уделять ему больше внимания.

Малыш не ходил в школу, начала грамоты преподавал ему цирковой завхоз, он же научил считать деньги.

– А больше тебе ничего и не нужно, – смеялся завхоз. – Какая уж учеба, если мы сегодня здесь, завтра там. Главное, чтобы мог отличить сто рублей от одного. Вот и вся грамота. Садись, будем считать вечернюю выручку. Бери стул.

Так Малыш научился считать деньги. Потом читать. Он уже выходил на манеж, отец придумал новый номер и использовал в нем младшего сына. Малыш становился возле толстой широкой доски, а отец метал в него острые ножи, которые вонзались в дерево в нескольких сантиметрах от головы, рук, ног. На афишу непременно выносилась его новая фамилия – Цой.

Публика ахала, а в финале номера бешено аплодировала и вызывала на бис. С возрастом у отца ослабло зрение, и он без выступлений, к которым привык, и без которых уже не представлял свою жизнь, быстро зачах.

– Когда дикую собаку лишают возможности охотиться, она погибает, – шептал он Малышу, лежа в кровати. – Ты всегда должен это помнить. Пока ты охотишься, ты силен, ты жив.

После его смерти номер перешел к Малышу, который метал ножи ничуть не хуже, чем отец, и имел у зрителей даже больший успех. Тут отчасти сказывалось то, что на вид ему можно было дать не больше тринадцати лет. Может, он и насовсем остался бы в цирке, но в его дальнейшую судьбу вмешался тот самый завхоз, который учил его считать деньги. Он продал Малыша.

– Слушай, Малыш, – подзвал он его к себе как-то после программы, – зачем тебе солиться в нашей бочке, в которой давно пахнет тухлятиной? Ты молодой, красивый, сильный, тебе море по колено. Хочешь прилично получать и почти не работать?

– А разве так можно, получать деньги и не работать? – рассмеялся Малыш. – Если за легкую работу мне будут хорошо платить, то я, так уж и быть, согласен.

– Когда ты втыкаешь ножи в доску, ты очень сильно устаешь? – спросил у него завхоз.

– Я вообще никогда не устаю.

– Вот-вот, о чем я и говорю, – обрадовался завхоз. – Метнул ножичек – и тысяча баксов в кармане.

Короче, он убедил Малыша пойти в ученики к человеку, который впоследствии и стал Посредником, снабжавшим его заказами. Лишь через пару лет он признался, что заплатил завхозу пятьсот баксов за то, чтобы тот уговорил Малыша сменить профессию.

– Дешево же он меня продал, – усмехнулся Малыш-Цой, когда услышал эту историю.

– Не забывай, в то время это были приличные деньги, – покачал головой Посредник. – Сейчас да, это мелочевка, сейчас все обесценивается, а тогда на эту сумму можно было неплохо подняться. Но если бы он запросил больше, я бы все равно заплатил. – Посредник смотрел на Малыша, как смотрит скульптор на свое творение. – Я ведь, когда тебя случайно увидел с этим твоим номером, то сразу понял, что ты прирожденный исполнитель, что у тебя есть все, начиная от безобидной на первый взгляд внешности и заканчивая тем, чему научил тебя отец.

Что для тебя не существует преград. Найти простого исполнителя, костолома легко. Такие покупаются за копейки. А найти такого, как ты, и сделать настоящим профессионалом, удастся раз в десять лет. Так что береги себя, у нас с тобой впереди много работы.

* * *

Поднятые из воды машины и выловленные чуть позже трупы, ничего не дали. Никакой практически информации, которая помогла бы следствию продвинуться вперед. Морозову оставалось одно: ждать, когда раненый очнется и сможет отвечать на вопросы. Поначалу майор частенько, порой дважды в день, утром и вечером, навещался в палату, где лежал Малыш, но в клинике ему объясняли, что заговорит тот еще не скоро. Если вообще когда-нибудь заговорит. Раненый по-прежнему находился в коме, на грани между жизнью и смертью.

– Я вообще удивляюсь, – признавался главврач Морозову, – как он еще тянет. Обычно после таких ранений и таких заплывов нормальные люди не выживают. Очень интересный случай, хоть диссертацию защищай.

Шли дни, и майор постепенно остывал, на столе у него лежало в досталь папок с нераскрытыми делами, которые тоже требовали его внимания, и он все реже заходил в клинику, попросив лишь сразу же сообщить ему, если раненый пойдет на поправку.

* * *

Иногда сквозь мертвую тишину и непроницаемую тьму до слуха Малыша начинали доходить звуки, временами он как бы видел легкое мерцание света в конце черного тоннеля. Мысли уже не выплывали сами по себе, вне зависимости от его воли, а мало-помалу подчинялись ему, выстраиваясь в понятный ряд логических вопросов:

«Где я?.. Что со мной?.. Почему так нескончаемо долго длится ночь?..»

Вместе с сознанием прорезалась боль. Он не узнавал своего тела, такого всегда послушного. Попробует шевельнуть рукой – и сразу же пронзительный укол боли. Ногой – то же самое. В такие моменты он стонал, пока еще не слыша собственного голоса.

– Пульс, температура и давление сдвигаются в сторону нормы, – докладывала врачу дежурная медсестра. – Появились первые признаки реакции на окружающее. По всей видимости, к нему постепенно возвращается сознание. – Ей было по-настоящему жаль этого худенького подростка, чудом выкарабкивающегося с того света.

* * *

Малыш не рвался к роскоши – снимал однокомнатную квартиру. О ее местонахождении знал один лишь Посредник. Время от времени Малыш менял адрес, переезжал. Никогда у него не появлялись гости, женщины.

– Пойми, чем меньше людей о тебе знает, – учил его Посредник, – тем дольше ты проживешь.

Он сам подыскивал ему квартиру, сам договаривался о цене и вообще опекал Малыша, как опекает импресарио какого-нибудь знаменитого музыканта. Малыш был для него той самой сказочной курочкой-рябой, которая несет золотые яйца, поэтому ее следовало беречь и ограждать от постороннего влияния.

Сам же Посредник мечтал через годик-другой тихонько отойти от дел, поселиться где-нибудь на берегу теплого моря. Денег, по его расчетам, должно было хватить до конца жизни и

ему с женой, и их единственной дочери, в которой он души не чаял. Разве что прикопить еще самую малость, чтобы уж вовсе не думать о них.

Малыш, можно сказать, сорвал его планы. Когда киллер начинает бунтовать и пробует мыслить самостоятельно – это уже чревато провалом. Лучше обрубить сразу, не дожидаясь возникновения больших проблем.

Чисто сработав на ночной дамбе, Посредник сразу же стал заметать следы и в городе. Как он ни оберегал своего питомца от контактов с людьми, все равно образовался некий круг тех, кто знал Малыша и мог поинтересоваться, куда тот запропал. Поэтому на следующий же день после ночного дела Посредник отправился на квартиру к Малышу и тщательнейшим образом ее обыскал. Ведь там случайно могло остаться что-нибудь такое, что вывело бы на него, Посредника.

Да и деньги, которые Малыш получал от него за свою работу, хранились, как он предполагал, там же: парень не доверял банкам. Посредник нашел их. Сумма была солидная – сто пятьдесят тысяч. Мысленно поблагодарив Малыша за такой щедрый подарок, прикинул, что момент, когда он сможет позволить себе отойти от дел, стал значительно ближе, чем пару дней назад.

Ближе-то ближе, но у него оставалось еще два невыполненных заказа. В обоих случаях дело верное, к тому же у него все продумано, все спланировано. Осталось потрудиться, чтобы найти замену Малышу.

Осмотревшись, не оставил ли следов, Посредник упаковал все ценное в большую сумку и вынес в машину. Уже из дому позвонил хозяину квартиры: жилплощадь освобождается несколько раньше срока, но полученную вперед плату тот может оставить себе.

– Ключи лежат в комнате на столе, – сказал напоследок.

Все, с Малышом-Цоем покончено. Теперь забыть о нем раз и навсегда. Жизнь продолжается.

Даже подарок Малыша, маленькую скульптурку, Посредник убрал со своего письменного стола.

Ближайшие планы: поехать по глубинке, поискать, сейчас многие молодые ребята мечтают стать суперменами, многие занимаются боевыми искусствами. Глядишь и найдется среди них достойный преемник Малышу.

«Главное, чтобы он не походил на тех двух, которых я нанял убрать его самого. Ни одной извилины, ни подумать, ни схитрить, только и знали, когда и где нажать на курок да как урвать побольше бабок. Серая посредственность».

Если бы Малыш без вопросов выполнил свой «профсоюзный» заказ, как он это делал раньше, никаких проблем не возникло бы. Но его упрямство, его капризы с повышением гонорара и предоплатой насторожили заказчика. Именно он, заказчик, настоял на том, чтобы убрать парня на обратном пути. Посредник не мог спорить. За Малыша ему заплатили как за бизнесмена средней руки, пять штук. За две он нанял тех двух лопухов, которых чуть позже убрал сам. Естественно, все пять тысяч остались у него в кармане.

* * *

Главврачу Юрию Самкову недавно исполнилось тридцать пять. Прекрасный возраст для мужчины, у которого запросы, то есть горизонты желаемого, куда выше средних по стране и нет еще такой помехи, как семья, а лишь идет пробный выбор женщины, достойной того, чтобы быть им осчастливленной.

Самкова считали везунчиком, еще со студенческих лет, когда он учился в медицинском. Закончив его с отличием, он совершил нелогичный в представлении многих поступок – не остался в аспирантуре, да вдобавок отказался от столичного распределения и уехал в провин-

циальный Кузнецк, где ему достались от умершего дяди, брата матери, квартира и загородная дача.

Самков же делал свой выбор вполне осмысленно, понимая, что в столице он окажется одним из многих, а здесь ему уготовано стать первым. И это ему удалось. Одним из первых он занялся частной практикой, акционировал клинику, прикупил, взяв кредит, кое-что из оборудования.

Кроме всего прочего, Самков умел отлично ладить с коллегами из других городов, где занимались пересадками органов: посылал к ним состоятельного пациента, а на себя брал заботу о доставке трансплантата. Еще ни одного здешнего туза, прибывшего по его рекомендации, не отправили назад.

В Кузнецке же Самкова считали человеком чистым, незапятнанным. А его высокопоставленные и богатые клиенты-пациенты не могли понять: зачем ему понадобилась городская больница?

– Придет время – поймете, – отвечал Самков, а сам при этом думал: «Как до вас не дойдет, что городская больница, это халява? Где еще при необходимости я мог бы позаимствовать не только нужное количество крови, но и кожу, орган для пересадки? А лекарства? Для некоторых в больнице их нет, но я-то знаю, где и что лежит».

Малышу повезло, что его привезли, когда в клинике задержался на ночь Самков. Того поступивший привлек тем, что был молод, находился между жизнью и смертью. Если бы он умер, то в распоряжении Самкова оказалась бы хорошая почка, чего давно дождался некий опекаемый им больной. Тем более что этого паренька никто не знал, никаких документов при нем не нашли. Значит не возникнет и вопросов по поводу того, хватает ли в его теле положенных по законам природы органов.

Если бы не повышенный интерес к пареньку следователя майора Морозова, которого Самков терпеть не мог, он угробил бы его и взял почку для пересадки. Но Малышу снова повезло: Самков боялся милиции.

В один из вечеров Малыш внезапно увидел свет. Это было так неожиданно, что он зажмурился и лишь через несколько минут осторожно приподнял веки.

«Да, свет. Ночь кончилась».

Осторожным взглядом обвел комнату, в которой лежал. Кроме него, в комнате никого не было, однако, несомненно, он находился в больничной палате.

И тут вдруг сразу, целиком, вспомнил все. Как поехал в Кузнецк, как сделал то дело, из-за которого сцепился с Посредником, как возвращался обратно, и как его прижали на дамбе. Кто и за что, Малыш не знал – ни тогда, ни сейчас.

Новые впечатления и холод, прошедший по телу, с непривычки вымотали очень быстро, и он обессиленно закрыл глаза...

Для доктора и персонала больницы он прикинулся идиотом.

Каждый день Малыш начинал с того, что прокручивал в памяти события недавнего прошлого, обсасывал каждую мелочь, но больше всего его интересовал вечер, когда он перепрыгнул ограждение на дамбе и покатился к воде под аккомпанемент автоматных очередей.

«Посредник! – Малыш даже привстал в постели. – Это он хотел меня убить! Решил, что я выхожу из-под контроля, становлюсь опасным».

Внезапная догадка его потрясла, потому что Посредник был единственным, кто знал о его существовании, знал, кто он и откуда пришел. А понадобись, только он мог бы сказать, куда Малыш подевался. Что ж, в этом были свои преимущества. И Малыш мастерски продолжал играть роль идиота.

– Он не может притворяться? – спросил Морозов во время своего очередного визита.

– Увы, нет, – с удовольствием огорчил его Самков.

– Жаль, у меня к нему было несколько вопросов.

– Я мог бы попытаться получить на них ответы, стимулировав парня медицинским способом, но это значит, майор, окончательно поставить на его сознании крест.

Морозову пришлось приобщить папку с делом Малыша к другим, пылившимся до лучших времен. Ну не может человек давать показания по состоянию здоровья, и черт с ним!

* * *

Малышу все надо было начинать с самого начала. Он уже вставал, но, притворяясь невменяемым, говорил персоналу абсолютно идиотские фразы, отвечал невпопад. Милиция его больше не трогала. Ранним утром, когда все еще спали, он уходил в заброшенный сад рядом с больницей, разминался, а потом приступал к осмысленной тренировке. Азиатское упрямство и славянский оптимизм, которыми его наградили отец и мать, делали свое дело. Силы постепенно возвращались к нему, тело становилось гибким и послушным, удар точным и стремительным.

Мало-помалу решались и другие проблемы, скажем, с одеждой. Та, что была на нем в злополучную ночь, осталась в милиции. Один из больных отжалел ему перед выпиской старый спортивный костюм, в нем-то Малыш и делал по утрам свои вылазки в безлюдный яблоневый сад.

«Надо раздобыть хоть какие-нибудь документы, – думал он. – И нужны деньги, много денег. С их помощью я найду этого старого жирного борова, и он получит свое».

* * *

Небо заволокло тучами, но дождь пока медлил. Малыш неслышной тенью скользил по улицам мало знакомого ему города. Это был его первый «выход».

Пока Малыш не собирался действовать по-крупному. Он вышел прогуляться наудачу. Этим вечером в городе во многих квартирах пили и веселились – весенний праздник. А Малыш стрелял взглядом по окнам домов, выискивая те, в которых не горел свет. Для сна рановато, а отсутствие света могло означать одно: хозяева в гостях и вернуться нескоро.

Его внимание привлекло здание сталинских времен, в которых так полюбилось жить новым русским, – с высокими, в три с лишним метра потолками. На втором этаже виднелись подряд три темных окна, а это говорило о том, что они принадлежат одной квартире. Малыш прикинул: расстояние от угла дома, где проходила пожарная лестница, до среднего окна, в котором хозяева беспечно оставили открытой форточку, – метров десять.

«Понадеялись на то, что окна на втором этаже».

Чуть ниже окна проходил узкий, в четверть кирпича, карниз. Для обычного человека проделать десятиметровый путь по такому пояску – задача невыполнимая, но для Малыша, большая часть жизни которого прошла в передвижном цирке, это было плевое дело.

До карниза он добрался по пожарной лестнице. Прижался всем телом к стене, поймал точку равновесия и без спешки стал продвигаться к окну.

По тротуару, прямо под ним, прошла подвыпившая компания, но он даже не замедлил движения, настолько был уверен, что ни одному из гуляк не придет в голову посмотреть вверх.

Добравшись до окна, подтянулся на руках и без труда просунул в форточку голову и руку.

«Этого достаточно, чтобы прошло и все тело».

Через минуту Малыш мягко спрыгнул с подоконника и почувствовал под ногами упругий ворс ковра.

«Ковер хороший, похоже, здесь есть чем поживиться».

Внезапно до его слуха донеслось какое-то движение, и при свете уличного фонаря он увидел, как в комнату вошел огромный пятнистый дог.

«Вот почему хозяева держат форточку открытой: надеются на собаку».

Он выставил вперед левую руку и ногу, приготовился отразить нападение. Пес не стал ждать: даже не залааяв, присел на все четыре и прыгнул. Еще в полете Малыш встретил его ударом снизу – в брюхо растопыренными пальцами правой руки. Огромный дог взвизгнул и осел на передние лапы. Отполз в сторону, под стол, испуганно глядя на человека и дрожа всем телом. Ему, должно быть, никогда еще не приходилось испытывать ничего подобного – он находился в болевом шоке.

«Отойдет и бросится снова, – подумал Малыш. – Надо добить».

Не давая собаке оправиться, шагнул к ней и схватил за горло. Хватка была мертвой – тело дога, вздрогнув, обмякло, налилось тяжестью. Малыш двинулся осматривать квартиру. Он должен был найти деньги. Деньги, чтобы купить одежду, чтобы снять в городе квартиру, о которой знал бы он один, в которой мог бы хранить все ценное, а главное – которая давала бы ему возможность иметь короткие минуты отдыха от роли идиота.

Люди здесь жили не бедные, он это сразу понял. Ковры ручной работы глушили шаги, мебель была из цельного дерева, много аппаратуры, на стенах картины, в которых Малыш не разбирался, хотя и знал, что они порой стоят ох как дорого. Да сколько бы ни стоили, он не собирался с ними связываться. Быстро выдвигая ящики столов и шкафов, он искал деньги, на худой конец – золото, которое можно сбыть, особо не светясь среди людей.

Наконец ему повезло: в одном из ящиков массивного письменного стола в самой дальней комнате, которая, по всей видимости, служила кабинетом хозяину, он обнаружил начатую пачку российских рублей купюрами по сто тысяч и три сотенные долларовые банкноты.

Только собрался уходить, как вдруг услышал негромкое: – Стоять! Не двигайся! Буду стрелять!

Малыш замер.

– Руки! Руки вверх! – уже увереннее приказал внезапно появившийся мужчина.

Малыш стоял к нему спиной, не мог видеть лица, но судя по голосу, тот был далеко не первой молодости.

Хозяин что-то делал на кухне, когда Малыш проник в квартиру. Он затаился, спрятавшись за шкаф, кляня себя, что оставил трубку радиотелефона в кабинете на столе. Вся надежда была на собаку. Когда же стало ясно, что доги-сторожа не из лучших, хозяин дрожащими руками извлек из жестянки с надписью «Крахмал» пистолет и на цыпочках двинулся в коридор.

Грабитель послушно, выполнил команду, поднял руки. Но вот чего не мог предвидеть заставший его на месте преступления хозяин квартиры, так это того, что у Малыша в рукаве спрятан небольшой, с узким лезвием нож, который он выточил сам из стальной полосы, найденной в больничном гараже. Этот нож был специально приспособлен для метания. Возвращая руке точность, Малыш добился в этом упражнении почти тех же результатов, что и до ранения. С пятнадцати метров он мог поразить мишень размером с кепку.

– Теперь медленно повернись ко мне, – командовал голос. – Только медленно, если хочешь оставаться пока в живых.

Малыш – само послушание – покорно стал разворачиваться. Когда повернулся к двери, то в проеме увидел совершенно седого старика в махровом халате и с пистолетом в руке. Глаза его были скрыты за массивными очками, которые покоились на носу, напоминающем клюв орла.

– Кто тебя подослал? – спросил старик, перебирая, наверное, в уме своих недоброжелателей и конкурентов.

Это были его последние слова. Рука Малыша, в которой он держал нож, резко пошла вниз, нож, коротко свистнув, вонзился в горло старика. Тот захрипел, выронил пистолет, схватился за рукоятку ножа, торчавшего из горла, на губах у него появилась кровавая пена, глаза

с ужасом смотрели на невысокого незнакомца, постепенно угасая. Старик рухнул на колени, а потом распластался на полу.

Мальш подошел к нему, поднял пистолет, подкинул на ладони. Это был неплохой ствол, в оружии он разобрался. Чешское производство, простой и надежный. Теперь у него есть оружие. Отводя взгляд, выдернул нож из горла старика, вытер лезвие о халат убитого и вновь закрепил его на запястье левой руки.

Пистолет сунул за пояс. Пора было уходить, он и так уже задержался в этой квартире. Могли вернуться хозяева: судя по обстановке, здесь жило еще двое – мужчина и женщина. Оставлять после себя два лишних трупа Малышу не хотелось.

И старик-то мог остаться в живых, если бы не показывал носа из кухни. Его смерть не входила в сегодняшние планы Малыша.

Он вернулся в ту комнату, через которую попал в квартиру. Под столом остывал труп собаки. Малыш не захотел уходить через входную дверь, там могли поджидать сюрпризы: то ли вышедшие покурить соседи, то ли двери подъезда, запертые на ночь. Да мало ли что. Путь же через форточку он уже проверил.

Выбравшись из окна на карниз, Малыш решил, что не станет еще раз испытывать судьбу. Убедившись, что на улице никого нет, мягко спрыгнул с четырехметровой высоты на тротуар. Для него такой прыжок не составлял особого труда – все та же цирковая выучка.

Первый выход в город оказался для него не очень удачным, если принять во внимание, что он наследил в квартире. Но и не бесполезным: теперь у него имелось достаточно денег, чтобы купить приличную одежду. Это было принципиально: в своем жалком спортивном костюме он себе не нравился.

Минут за сорок пять Малыш преодолел пятнадцать километров, отделявших клинику от города. Перемахнув через забор, пробрался в пристройку, в которой врач разместил его для проживания.

Случай на озерной дамбе, предательство Посредника заставили Малыша сделать важный для себя вывод: нет ничего хуже в этой жизни, чем работать на кого-то; надо, чтобы работали на тебя.

Кузнецк, в котором Малыш не по своей воле оказался, был в общем-то достаточно велик. Так почему бы не стать хозяином этого города, не подчинить себе всех здешних уголовников, весь криминальный мир? Малыш знал, что это ему по зубам, были бы лишь время и желание. И еще – документы. Не считать же документом бумажку, которую получил Самков от Морозова и в которой значилось, что безымянный больной находится под присмотром врача и, если в ближайшее время не излечится, может быть переведен в «дурку». Эту бумагу Малыш обнаружил в кабинете Самкова, когда в один из воскресных дней произвел там небольшую ревизию.

В городе было много приезжих, он как бы служил перевалочным пунктом между Азией и Европой. На многочисленных рынках торговали и узбеки, и казахи, и калмыки, и таджики – все, кому не лень. А всех их пытались зажать в кулаке выходцы с Кавказа. С ними, в свою очередь, боролись за влияние местные парни. Нередко споры заканчивались перестрелками.

На следующий день после описанной вылазки в город Малыш достал газету с местными объявлениями и принялся ее изучать. Ему нужна была квартира. Объявлений на этот счет имелось предостаточно – выбирай, плати и все.

«Пожалуй, я спешу с этим», – урезонил себя Малыш.

Он плохо знал город, а квартира ему нужна была не из первых попавшихся, а такая, чтобы располагалась недалеко от центра, с хорошими подходами, желательно с проходным двором.

Кузнецк, которого не коснулись войны, изобиловал постройками начала века, а тогда в моде были проходные дворы и квартиры с парадным и черным ходом. Словом, за этим дело не станет. Отложив на время выбор жилья, Малыш решил первым делом хотя бы внешне приобщиться к цивилизации.

В один прекрасный день он отважился зайти в своем спортивном трико в магазин. Продавцы, к его удивлению, и не подумали роптать, их вполне устроило то, что напоминающий с виду бомжа паренек небрежно рассчитался за приобретенные шмотки крупными купюрами. А что еще надо? Рынок диктует свои законы общения. Если бы ему вздумалось прийти в магазин в одних трусах, то и тогда при наличии денег его приняли бы с распростертыми объятиями.

Теперь Малышу не стыдно было ходить по городу, мало того, он выглядел вполне респектабельно: темные очки в дорогой оправе, добротный летний костюм, шляпа. Даже работники больницы, с которыми он сталкивался нос к носу, не узнавали в нем своего пациента. Но то, что Малыш купил в магазине, стоило немало, и от денег, которые он взял во время ночной вылазки, осталось всего ничего. Нужна была повторная ходка. Ощущение, которое давала новая дорогая одежда, и отпавшая необходимость притворяться психом были настолько приятны, что Малыш решил как можно скорее покончить с затянувшимся больничным маскарадом.

«Еще пару месяцев, а может, и меньше – и я стану вполне нормальным человеком, – решил он. – Хватит, надоело!»

У него даже возник конкретный план, как он покинет клинику Самкова, план, рассчитанный на то, чтобы его больше не искали. Но всему свое время.

* * *

Ресторан при гостинице, в которой обычно останавливались приезжие торговцы, по вечерам был полон. После суматошного дня эта публика любила хорошо отдохнуть и денег на это, как правило, не жалела. Устроиться туда на работу рвались все городские «девочки», но это было не так-то легко, исключение делалось лишь для особо одаренных и опытных в самой древней из профессий.

Малыш пришел в ресторан на разведку. До этого он целый день толкался в своем старом спортивном костюме на рынке, раз-другой ему даже дали заработать – перенести какой-то груз. Приняли за бича.

А что еще надо? На бичей обычно внимания не обращают, их не считают за людей. При них говорят обо всем, не стесняясь. А Малышу требовалась в первую очередь информация. И он впитывал ее как губка.

Вот к торговцу апельсинами подошла пара молодых здоровых парней с кавказской внешностью, и тот незаметно отсчитал им сколько-то денег.

«Рыночный рэкет, – отметил Малыш. – Надо запомнить этих парней. Они со временем станут работать на меня».

Были мелкие торговцы, а были и крупные, оптовики.

Одного из таких Малыш вычислил. Этот мужик, скорее всего, узбек, одет был с иголочки: несмотря на жару и духоту, расхаживал по рынку в костюме, при галстукке. Все торговцы были с ним не в меру вежливы, кланялись: он едва кивал в ответ.

Почему оптовик? Да потому что при Малыше, который незаметно втерся в окружение этого туза, несколько человек подтверждали, что купят у него тонну-другую фруктов, уточняли цену, пробовали торговаться. Туз в костюме одним милостиво кивал, других вообще не удостоивал ответа.

Малыш заметил, за какой дверью скрылся туз, прикинувшись дурачком, подкатил к одному из торговцев:

– Богатый человек, да?

Узбека, как он заметил, охраняли четверо.

– О! – Брови торговца-таджика взлетели вверх. – Очень богатый и уважаемый человек! Самый богатый, наверное, тут на рынке. Десять машин для перевозки фруктов имеет. Всех

снабжает. Что хочет, то и делает. Захочет, чтобы тебя на рынке не было, тебя не будет. Очень богатый!

– А там что, контора, его? – кивнул на примеченную дверь Малыш. – Кабинет?

– Нет, там он у директора рынка чайку попьет, девочку полюбит, и поедет домой. У него очень красивая машина, лимузин называется, таджик поцокал языком.

Малыш потирал руки: по машине без труда можно вычислить и место жительства. Сам он несколько дней тому назад нашел квартиру, именно такую, какую хотел. Заплатил за три месяца вперед, как раз пригодились те три сотни баксов, что нашел в квартире незадачливого старика.

Квартира квартирой, но жил Малыш по-прежнему в больничной пристройке, поднимался с рассветом и шел, как все думали, в лес погулять. На самом же деле, он спешил в Кузнецк.

Новая квартира находилась недалеко от центрального рынка. Это было удобно, Малыш сходил туда и переоделся. Надел джинсы, кроссовки, свежую рубашку и превратился... Ну, словом в одного из тех шалопаев, за которыми стоят родители. На таких тоже не обращают особого внимания, таких в городе тысячи. Ему пришлось продежурить на выезде с рынка битых два часа, прежде чем он дождался появления туза с телохранителями. Туз вышел, немного усталый после трудов праведных в кабинете директора рынка, уселся в свой лимузин, отвалил от стоянки, направляясь к центру города.

Малыш вскочил в такси.

– Поехали!

– А у тебя, парнишка, бабки есть? – поинтересовался таксист.

Малыш бросил ему на переднее сиденье пятидесятитысячную бумажку.

– Поехали, или я другую машину возьму!

– Нет проблем, – сразу же повеселел таксист. – Куда доставить?

– Пока прямо. Видишь, лимузин сворачивает в конце улицы?

– Конечно вижу, – кивнул таксист.

– Давай за ним, – приказал Малыш.

Через пару кварталов, как ни скрывал он свои намерения, таксист смекнул, что к чему:

– С тобой опасно иметь дело. Если люди Керима заметят, что я сижу у них на хвосте, то поломают мне ноги, машину разобьют, а из тебя вообще отбивную сделают. За опасность надбавка положена.

– На! – Малыш не стал спорить и бросил ему еще одну купюру.

Таксист притормозил, давая лимузину свернуть за угол.

– Если не едешь дальше, скажи, мы же не успеем!

– Успеем. Я знаю, куда его везут. В гостиницу. Он всегда с рынка едет в гостиницу. Чтобы отоспаться перед рестораном.

– Откуда ты все это знаешь? – Малыш успокоился лишь после того, как снова увидел впереди лимузин.

– О, таксистам да не знать, что в городе делается! – рассмеялся водитель. Вот тебя я в первый раз вижу. Приезжий? На каникулах, студент, заработать решил? С кем работаешь?

– Не «с кем», а «на кого». На себя!

Лимузин остановился возле гостиницы. Керим вышел и скрылся в подъезде.

– И что это он в такой дыре останавливается? – удивленно спросил Малыш, поправляя бейсбольную кепку, а заодно и очки, скрывавшие самую характерную его черту – раскосые глаза.

Гостиница, действительно, была не из шикарных, хотя и находилась в центре города и называлась «Центральная».

– По давней привычке, – объяснил таксист. – Керим у нас уже десять лет работает. Начи-
нал с мелочевки, а потом, когда разрешили деньги делать официально, развернулся вовсю.
Теперь первый человек. А когда-то на такси экономил. Но ты не обращай внимания на обо-
дранный фасад, внутри, номера что надо, а тот, что Керим занимает, вообще класс, высший
сорт, однажды девочек пьяных помогал оттуда выводить!

– А клопов там нет? – Малыш пытливо осматривал здание, прикидывая, что там может
быть внутри, и как попасть туда, минуя центральный вход. Потом вспомнил парней-рэкетиров
на рынке и поинтересовался:

– Вот ты говоришь, что таксисты знают все. Тогда ответь мне на такой вопрос: а рэкет
разве этого туза не трогает?

– Ха, – таксист даже хлопнул в ладоши, – да Керим сам рэкет! Всех обирает! Даже с нас
пытался драть, но потом понял, что себе дороже обойдется.

Малышу стало понятно все. Имя «Керим» он не раз слышал в клинике, теперь увидел
главаря местных бандитов воочию. Махнул таксисту:

– Поехали обратно, спасибо за экскурсию.

– Слушай, что-то ты слишком умные для своего возраста вопросы задаешь, – таксист
хитро посмотрел на Малыша в зеркало. – Тебя кто-то послал? Что, опять будет война? Кто-
то решил наехать на Керима?

– Тебе же сказано: я сам по себе, – ответил Малыш.

– Не пудри мне мозги, сынок, – таксист остановил машину. – А что, если я сейчас сдам
тебя людям Керима? Тут их, возле рынка, как собак нерезанных.

– Смотри, – Малыш взял литую, из оргстекла, фигурку черепахи, которая болталась
перед лобовым стеклом. Фигурка была прочная, впору бить молотком. Малыш подбросил ее
вверх и резко, с обеих сторон одновременно ударил ребрами ладоней – фигурка разлетелась,
только брызнули осколки.

– Я тебе сломаю хребет одним ударом, понял? Если станешь болтать языком.

И, оставив изумленного таксиста сидеть с разинутым ртом, Малыш вышел из машины.
Он был в приподнятом настроении: теперь у него имелась определенная цель. У Керима есть
целая организация, которую надо использовать в своих целях. А для начала – как следует напу-
гать туза. Чтобы он потом не слишком капризничал.

До утра Малыш мог себе позволить не появляться в клинике. Что ж, этим надо восполь-
зоваться. «Сперва рынок, а вечером я схожу в тот ресторан, куда любит ходить Керим».

Он прошелся по рынку, выискивая знакомые лица. Наконец набрел на тех парней, кото-
рые собирали дань с мелких торговцев.

«Вот с их помощью и возьму его на испуг, – мысленно Малыш прикинул, куда бы зама-
нить парней. – Рэкет его? Был его, станет мой!»

– Привет! – он подошел к таджику, которого еще с утра расспрашивал насчет Керима. –
Что смотришь, не узнаешь, что ли?

Таджик испуганно смотрел на незнакомца, потом все-таки узнал Малыша и радостно
заулыбался:

– Тебя не узнать. Час назад совсем грязный был, сейчас совсем красивый стал! А я
думал, опять эти шайтаны за деньгами пришли! – таджик смачно сплюнул заложенный под
язык насвай. – Совсем надоели, очень много берут, на следующий год больше сюда не приеду,
совсем здесь плохо стало, невыгодно.

– Хочешь, чтобы они больше к тебе не приходили? – спросил Малыш.

– Что за глупости ты говоришь, – развел руками таджик. – Совсем несерьезно. Как это
не придут? Так не бывает. Не они придут – другие придут, я первый год торгую, что ли? Пусть
приходят, но берут пусть по-божески.

– Я и говорю, что с тебя станут брать по-божески, – уточнил Малыш. – Я тебе помогу.

– А-а, что ты можешь, ты еще совсем пацан, – таджик с сожалением посмотрел на Малыша.

Откуда ему было знать, что Малыш только выглядит подростком, а на деле он взрослый мужчина.

– Но ты же можешь передать им, что там, – Малыш кивнул в сторону огромного, заглубленного в землю погреба – когда-то в нем хранили мясо, а теперь он был полуразрушен и пустовал, – с ними хочет поговорить человек. Он, мол, сказал, что отныне платить все будут ему, а не им.

Таджик посмотрел на Малыша, как на больного, покачал головой.

– Ты сам не понимаешь, что говоришь, но раз просишь, я сделаю, пожалуйста. Только потом не говори, что это я виноват.

Таджик подошел к трем парням, которые лениво развалились на стульях, вынесенных из небольшого уличного кафе; перед каждым стояло по бутылке пива, лежало по начатому шампуру шашлыка. Он склонился к уху одного из них, что-то прошептал и кивнул в сторону погреба-холодильника. Парни озадаченно переглянулись, потом поднялись и с улыбочками двинулись в указанном направлении. Таджик, держась в десятке шагов, последовал за ними.

Между тем, Малыш уже поджидал парней. Он не готовил себе выгодную позицию, мысли его были об одном: надо сделать так, чтобы они от страха потеряли рассудок. Вспомнились слова одного циркача, работавшего с дикими зверями. Тот всегда говорил: «Надо быть жестоким, тогда тебя боятся, но надо быть и добрым, тогда тебя начинают уважать».

Малыш решил быть предельно жестоким. Он стоял посреди помещения, терпеливо поджидая, пока рэкетеры войдут во внутрь.

– Эй, малый, ты что, один здесь? – спросил у него первый из вошедших, недоуменно оглядывая голые стены.

– Я этого чернозадого таджика убью, – сказал другой. – От пива оторвал, гад!

– Слышь, ты, тут кто-нибудь был? – повторил вопрос первый, подходя к Малышу. – Ты что, онемел, что ли? Тебя спрашивают, огрызок!

И он замахнулся, чтобы дать Малышу подзатыльник. Тот перехватил руку и крутанул ее так, что звучный треск ломаемой кости смешался с ревом несчастного, который тут же потерял сознание от боли.

А Малыш сквозь стекла темных очков уже смотрел на второго рэкетера, который, онемев от неожиданности, наблюдал, как разделяются с его приятелем. Малыш не стал медлить, сделал шаг в сторону и нанес ему удар в живот сжатыми пятью пальцами – точно в прореху рубашки, где светилось тело. Это был особый удар, его применяли, когда хотели для противника мучительной и устрашающей смерти. Это был удар настолько стремительный, что мышечные ткани разошлись, и Малыш, погрузив пятерню в кишки, нагреб их в горсть и вытащил наружу. И лишь после этого отпустил жертву. Но не для того, чтобы дать бандиту упасть. За доли секунды он успел поймать раскачивающийся в воздухе ржавый крюк, на который в добрые времена цепляли мясные туши, и, сунув его в широко разинутый в крике рот, вонзил острие в небо. Потянул на себя переброшенную через блок веревку, и бедолага повис на крюке.

Третий рэкетир, сделавшись бело-зеленым, неудержимо блевал. Его выворачивало наизнанку от увиденного, выпитое пиво, съеденный на халяву шашлык – все вылетало из него, как газированная вода из свежезаправленного сифона.

Малыш терпеливо дождался, пока фонтан иссякнет, потом брезгливо ткнул парня ногой в грудь:

– Чтoб я тебя больше на рынке не видел! Иди расскажи своему Кериму о том, что тут случилось, подробно расскажи, и передай, что скоро весь рынок будет мой. Ты меня понял?

Но парень с перепугу не мог даже членораздельно ответить. Он лишь мелко кивал головой, давая понять, что передаст.

– Пошел! – Малыш еще раз пнул его ногой, и парень кубарем вылетел из погреба, чем привел в изумление таджика, который стоял поодаль и с тревогой ждал, когда же вынесут мертвого Малыша.

– Ну, ты даешь... – сказал таджик, когда вслед за вылетевшим парнем спокойно вышел Малыш. – А что остальные два?

– Можешь посмотреть, – сказал он таджику, указав большим пальцем через плечо. – И расскажи другим. Теперь вы будете платить мне, но я не буду брать лишнего. Все хорошо в меру.

Малыш отправился в свою штаб-квартиру, чтобы переодеться к вечернему визиту в гостиничный ресторан, а таджик с опаской вошел в погреб и выскочил оттуда, испуганно держась за сердце. Он был бледен, словно увидел собственную смерть.

– О, черт! – вытирал холодный пот со лба. – Надо скорее уезжать, здесь живут настоящие звери!

* * *

Майор Морозов терялся в догадках. Недавно ночью в доме известного балетмейстера, слава которого давно перешагнула границы города да и всей страны, произошло ЧП: был убит его отец. Сам балетмейстер с женой задержался в гостях и вернулся лишь под утро. Его жену чуть не хватил удар, когда она увидела мертвого старика. Издав громкий крик, она рухнула рядом.

Прибежавший на ее крик муж, который только и умел-то в жизни, что разбираться на сцене с девочками из кордебалета: скачи туда, подними ножку так, подставься эдак, – чуть не последовал за женою в обморок, но вовремя одумался и бросился к телефону.

Куда звонить сначала: в милицию или в «скорую помощь»? Решив, что отцу уже не поможет, а жена выйдет из обморока сама, позвонил в милицию.

Разбираться поручили майору Морозову, такой уж он был невезучий. Как только мертвое дело, так Морозову подсовывают. Он уже забыл, когда в последний раз рапортовал о раскрытии серьезного преступления.

Прибыв на место происшествия, майор сразу же понял, что сынок пострадавшего – тряпка, что жена его – стерва, и что нервы ему тут подпортят основательно. Так оно и случилось.

Балетмейстер только и говорил, что о шуме в прессе, который он непременно подымет, а жена честила на чем свет страну и мужа, который не уехал до сих пор за границу, хотя его, дурака отпетого, и приглашали.

Майор не стал напоминать им, что папаша балетмейстера в прошлом отсидел солидный срок за мошенничество и до последнего времени поддерживал отношения с авторитетами преступного мира, он просто попросил не мешать ему, из-за чего сразу же стал для супругов врагом номер один.

Старика убили ударом ножа в горло, причем нож был с узким лезвием, типа стилета и удар нанесли нетрадиционно, что не позволяло вычислить, какого примерно роста был преступник, левша он или правша. Создавалось впечатление, будто нож просто влетел в горло убитого. Не менее загадочной оказалась и другая смерть – огромного дога. Справиться с такой псиной голыми руками практически невозможно. Майор не мог припомнить случая, когда бы преступник, а здесь явно действовал одиночка, рискнул проникнуть в квартиру, находящуюся на попечении столь грозного стража, как этот тигровый дог. Морозову в порядке информации коллеги-кинологи сообщили, что с помощью таких зверюг в цирках загоняют в клетки тигров.

– Фантастика, – бормотал приглашенный для консультации врач-ветеринар. – Собака задушена, но еще есть и рана на животе – очень странная по конфигурации, как будто она

нанесена огромной вилкой. Если бы я состоял в обществе уфологов, то позволил бы себе предположить, что пес погиб в стычке с агрессивным инопланетянином.

Выругавшись про себя, майор отправил ветеринара домой, потребовал от группы четкого ответа: каким образом преступник попал в квартиру?

– На подоконнике обнаружены следы, – доложил один из оперативников. – Преступник влез в форточку, но там лишь узкий карниз вдоль стены, всего сантиметров десять – пятнадцать, и до пожарной лестницы не менее десяти метров. Обыкновенному человеку такое не под силу.

– Будем считать, что имеем дело с человеком необыкновенным, – невозмутимо констатировал Морозов. – Так ты считаешь, что преступник добрался до форточки именно по этому узкому карнизу?

– Это единственное объяснение, – развел руками оперативник. – Больше версий нет.

– А в отношении пса? – оглядел своих людей майор.

– По всей вероятности, пес первым заметил преступника, напал на него и был убит.

Второй оперативник поежился, косясь на труп собаки:

– Я придерживаюсь той версии, что высказал ветеринар. Вы посмотрите на этого зверя. А его убили даже без помощи ножа или какого-нибудь другого оружия. Голыми руками. И собака не оказала сопротивления, иначе здесь бы оставались следы борьбы, кровь.

Да, ни следов, ни отпечатков пальцев обнаружено не было. Малыш работал в нитяных перчатках, которые отыскал в котельной и припрятал до случая. Богатый опыт работы киллером научил его со вниманием относиться к таким мелочам. И хотя его отпечатки не имелись в архивах угрозыска, зачем же давать ментам лишний козырь?

Приказав отправить трупы собаки и старика на дополнительный осмотр в лабораторию, Морозов вернулся в управление и долго в одиночестве расхаживал по кабинету. Потом позвонил своему заму и попросил отныне письменно докладывать ему о любых выходящих за пределы человеческого понимания случаях в городе.

И наконец дал знать жене, с которой жил в разводе, и дочери: они идут вечером в цирк. Дочь обрадовалась, а жена скорее удивилась. В цирке майор не был уже лет пятнадцать. С чего бы это ему вдруг загорелось очутиться в атмосфере необычных человеческих возможностей?

А все было просто. Когда ветеринар сказал, что в деле с загадочным убийством не обошлось, пожалуй, без инопланетян, майор внутренне усмехнулся. Мы так мало знаем о человеческих возможностях. Недавно в порядке обмена информацией им сообщили, что в Свердловске пойман главарь банды, угонявший машины, без обеих рук. А все приспособления, с помощью которых угоны осуществлялись, разрабатывал он сам. При чем тут фантастика или инопланетяне? Надо искать рядом.

Станный это был клиент. Не понять сразу, при деньгах он или нет. В дорогом костюме, но с виду очень молод. Приезжий? Скорее всего, да. Чуть раскосый разрез глаз. Взгляд немигающий – прямо мурашки по телу. Ведет себя по-хозяйски, хотя в ресторане впервые.

Все это прокрутилось в голове у старшего официанта, пока Малыш шел к свободному столику. Он появился загодя, до основного наплыва посетителей. И официант прикидывал, как ему себя вести с этим новым клиентом. Скоро места станут нарасхват, и тогда вступит в силу железное правило: если посетитель не вызывает доверия, ему вежливо дают от ворот поворот, объяснив, что все столики заранее заказаны. Но с этим официант не спешил.

«Посмотрим, что он закажет, – решил про себя. – Закажет просто комплекс – отправлю его в столовую, закажет что-нибудь приличное – оставлю».

– Что будем есть? – склонился официант над столиком Малыша.

«Как бы мне не нажать неприятностей, – в последний момент встревожился он. – Чего доброго, этому юнцу и восемнадцати нет»

– Все самое лучшее, но не ведрами, – с неожиданной хрипотцой сказал Малыш. – Я буду весь вечер один. Сколько надо заплатить за то, чтобы ко мне никого не подсаживали?

– Разберемся, – склонился в поклоне старший официант, распознав в юнце солидного клиента. – Может, есть какие-нибудь особые пожелания?

– Я люблю, чтобы все было свежим. – Малыш так посмотрел своим змеиным взглядом, что у бедолаги по спине прошел холодок.

– Будет сделано! – заверил официант и поспешил перепоручить обслуживание другому, строго наказав, чтобы тот все обеспечил по высшему разряду.

Но Малыш держался вполне мирно, привлекать к себе лишнее внимание он не хотел. Цель его визита была иная: наблюдать, оставаясь в тени.

Ресторан мало-помалу заполнялся. В общем-то ничего примечательного в этом ресторане не было, интерьер оставался, видимо, таким же, каким был и десять лет назад, – рядовой ресторан при рядовой гостинице. Клиентами его в основном являлись постояльцы гостиницы, которые могли здесь выпить как следует после трудового дня, не опасаясь влипнуть после этого в историю: в любом состоянии их всегда доставляли в номер. И с девочками было легче. Встал из-за столика и пошел. Самые боевитые из «телок» успевали сменить за вечер нескольких партнеров, как, впрочем, и некоторые темпераментные мужики, в основном из Азии: дорвавшись до русских девочек, они умудрялись сводить в номер двоих – троих.

Кухня была дерьмовая, это Малыш раскусил сразу, как только ему принесли горячее. Но клиенты поглощали под спиртное и эту гадость, курили – под потолком витали грозовые тучи табачного дыма, стоял гул, над которым периодически взмывал ансамбль, наяривающий известные хиты в собственной интерпретации. У Малыша сложилось впечатление, что музыканты стараются на каждой песне сэкономить десяток-другой секунд. Потом ему объяснили, что с определенного времени они работают на себя и поэтому стараются выиграть на числе заказов.

Больше всего Малыша привлекали те несколько столиков, за которыми расположились Керим и его люди. Там мелькали самые красивые и самые юные девочки, туда несли самые экзотические (с виду) блюда – плод фантазии местных поваров, а Керим вел себя как маленький шейх в своем маленьком государстве. Глазки на красном, потно-масляном лице жадно перебегали с одной девочки на другую, когда тех подводили к нему знакомиться. Он жадно обрывал крупный виноград с большого блюда и отправлял в рот. Виноград был красный, и поэтому по рукам и щекам Керима стекали розовые липкие струйки.

«Интересно, ему рассказали про тех двух псов, с которыми я поговорил? – думал Малыш. – Наверяд ли. Такие мелочи – забота его людей. Вот когда что-нибудь подобное повторится несколько раз, обязательно расскажут. А я доставлю ему это удовольствие очень скоро, может быть, завтра или послезавтра».

Вообще-то Малышу хотелось прямо в этот вечер навестить номер-люкс Керима в гостинице, пока тот обедает в ресторане, но потом он передумал. В первую очередь следовало решить, не пора ли кончать с идиотом, которого он старательно изображал, – эта игра его уже порядком раздражала. Вот когда он выполнит задуманное, тогда всерьез и займется Керимом и его бандой.

Малыш жестом подозвал официанта.

– Что-нибудь не так? – вежливо спросил тот.

– Счет, – сказал Малыш.

Официант быстро прикинул, сколько должен Малыш, и написал сумму на листочке. Малыш положил деньги, выдержал паузу, лицо официанта не дрогнуло, тогда он прибавил сверху еще столько же.

Деньги исчезли в кармане жилетки.

– В каком номере проживает уважаемый Керим-ака? – спросил Малыш.

Это если и было, то уже перестало быть тайной:

– Двести одиннадцатый.

Малыш встал и, не прощаясь, направился к выходу. На сегодня все его дела в городе были закончены, предстояло возвращаться в клинику, вновь принимать образ идиота. Для того, чтобы покончить с этой постылой ролью, Малышу надо было найти себе замену. А что если поискать на вокзале? И сегодня же: отклад не идет в лад.

Вернувшись на квартиру, он расстался с шикарным костюмом и переоделся в дышащее на ладан спортивное трико. Да, квартирка была что надо, но следовало думать и о деньгах. Их после сегодняшнего похода в ресторан оставалось кот наплакал.

Дороговизна квартиры вообще-то компенсировалась с лихвой: тот, кто ее сдал, квартирантом и его документами не интересовался. Он не спрашивал, на какое время Малыш ее снимает, откуда приехал, где работает. Просто сказал, что будет брать вперед за каждые три месяца. Как только Малыш не сможет ему заплатить за очередные три, договор считается расторгнутым и пусть он ищет другую квартиру. Малыш без споров пошел на эти условия.

* * *

Малыш был уверен, что на местном вокзале, кишящем всяким сбродом, он найдет того, кто ему нужен. К тому же не надо переодеваться: в своем драном спортивном костюме он как нельзя лучше придется ко двору – растворится среди себе подобных.

«Разве что купить бутылку водки для приманки».

Вокзал встретил его множеством хмурых лиц, грязью, шумом, гамом. К нему сразу же подвалил прыщавый акселерат и, дохнув давно не чищенными зубами, предложил:

– Хочешь девочку? Вон, посмотри, клевая, всего за пятнадцать баксов. Делай, что хочешь!

В закоулке между двумя киосками жалась ярко раскрашенная девчонка лет пятнадцати.

– Наверняка больна триппером или чем похуже, – сказал Малыш, брезгливо покачав головой.

– Все равно гони бабки, иначе я тебе вот эту бутылку в задницу загоню, – акселерат надвинулся на Малыша всею своей тушей, угрожающе потрясая пустой бутылкой от шампанского с неровно отколотым дном.

«Жаль, что это не входит в мои сегодняшние планы, – пожалел Малыш, – а то отправил бы я тебя на тот свет с почетом».

Он, чтобы не терять времени, просто двинул акселерата в толстый живот кулаком, отчего тот громко икнул и стал оседать на землю, выпучив от боли глаза и побагровев, как хорошо обожженный кирпич. А Малыш уже шагал дальше. Наряды милиции старательно обходил: не было желания объяснять им, что он делает на вокзале.

Шел и внимательным взглядом обшаривал здешних завсегдаев – бомжей, выискивая того, кто ему нужен.

«Нет, этот слишком стар, этот тоже не пойдет, высоковат, этот стоит не один – его счастье. Ага, кажется, то, что надо!»

Внимание Малыша привлек тип с трехдневной щетиной и характерными признаками похмельного синдрома. Глаза его затравлено блуждали по окружающим, явно выискивая, к кому бы обратиться с предложением скинуться на выпивку. Видавший виды костюм говорил о том, что этот тип, скорее всего, живет тут, на вокзале, постоянно. На худой шее беспокойно ходил вверх-вниз кадык, словно его хозяин непрерывно сглатывал подступавшую блевотину. Габаритов он был примерно таких же, как и Малыш, чем и привлек, на свою беду, его внимание.

Чтобы лишний раз не светиться, Малыш просто подмигнул ему, когда они встретились взглядами, и красноречивым жестом показал, что не прочь скинуться на бутылку. Тип сразу же оживился, покрылся от возбуждения красными пятнами и бросился к Малышу, с неожиданной прытью перепрыгивая через узлы, чемоданы, спящие тела. Вслед ему неслись проклятия и угрозы. Но тип не обращал на это внимания.

«Все, он мой, – понял Малыш. – Пойдет за бутылкой хоть на край света».

– Страдаешь? – с ходу спросил Малыш у типа, когда тот пробился к нему. – И я вчера до самого утра... так набрался, что голова, словно пустая бочка, до сих пор гудит. Надо выпить, а бабок не хватает. У тебя есть что-нибудь?

Тип, от которого нестерпимо несло мочой, скривился в отчаянии.

– У меня ни копыя, братан, выручи, за глоток родину продам! Ты эссенцию спиртовую пьешь? Она дешевле и крепче, один тут неподалеку продает... Сколько у тебя бабок?

– Нет, – поморщился Малыш, – одеколон и эссенцию я не употребляю, у меня язва. Пошли, что-нибудь придумаем. Сколько сейчас стоит бутылка белой? С рук, украинской. Может, у меня хватит?

– А сколько у тебя есть? – вновь спросил с надеждой тип. – Я знаю, где можно недорого взять самогонки! Классная самогонка!

– Пошли! – согласился Малыш. – Далеко идти?

– Нет! – божм чуть не плясал от радости, со стороны можно было подумать, что ему не терпится опорожнить мочевой пузырь. – Вот хорошо складывается. Твои бабки, мой самогон. Ты же не прокинешь меня, братан?

– Не бойсь, – успокоил его Малыш. – Я здесь новенький, ты будешь моим экскурсоводом.

– Кем-кем? – переспросил тип: от предчувствия близкой выпивки у него в голове вообще зашли шарики за ролики.

– Моим первым другом, – сказал Малыш.

– А у тебя бабок много?

– На пару дней хватит, если самогон дешевый, а потом надо будет искать.

Известие о том, что у нового приятеля бабок на целых два дня так воодушевило бомжа-выпивоху, что он проникся к Малышу бурной нежностью:

– Да мы с тобой как братья будем!

Он бежал чуть впереди Малыша, показывая таким образом путь.

– Далеко еще?

– Да вот... отойдем за пути, там будка, обходчик живет, а его баба самогоном торгует. Классный самогон!

Малыш осмотрелся: вокзал уже был позади и теперь они шагали по шпалам. А главное, никакого освещения, если не считать далеких огней светофоров.

«Пожалуй, местечко в самый раз, только тащить его далеко придется, – прикидывал про себя Малыш. – Может, заманить в клинику? Пусть своим ходом топает. Попробую».

– Где кирять будем? – спросил он.

– Что значит – где? – удивился тип: подобного рода проблем для него не существовало уже давно. – Было бы что, сразу же и кирнем, а че искать?

– До вокзала дойдем...

– На вокзале много желающих в долю войти, да и ментов полно. Закусить я у нее хлеба попрошу. Сядем на шпалах и выпьем.

– У меня есть одно местечко, там и пожрать найдем, и поспать, – сказал Малыш. – Родственник там работает, так я у него ночую. Он сторож. А сегодня в деревню к своим подался, никого нет. Я где попало пить не привык.

– А далеко это? – сразу сник божм.

«Понял, идиот, что праздник откладывается».

– Нет, рядом, – успокоил его Малыш. – Мы с тобой по маленькой сразу врежем, похмелье снять, и пойдём. У меня на пару бутылей хватит, так что хорошо, по-людски посидим, не торопясь. Там и пожрать есть, – ещё раз напомнил Малыш.

«Пусть сколько сможет, столько и пройдет, а там разберемся».

Услышав, что выпить ему все же обломится сразу, хоть и немного, бомж воспрял духом:

– А отчего бы и не сходить? Пойдем, ясное дело, мне уже надоело тут, на вокзале, околичиваться. Сам я из Ростова, ехал к сестре, да приболел по дороге, деньги потратил. Теперь жду, когда перевод придет.

Малыш понимал, что все это фантазии, но не возражал. Его даже устраивало, что парень не местный. Возможно, у него найдутся и какие-нибудь документы, из которых можно будет изготовить ксиву себе.

Они дошли до домика, примостившегося неподалеку от железнодорожной насыпи, бомж поплевал на ладони, пригладил давно не мытые волосы и постучал. Дверь открылась, на пороге возникла дородная баба в телогрейке.

– Чего? – спросила грубым низким голосом.

– Бутылочку бы нам, – заискивающе попросил тип. – Деньги у меня есть.

– Есть, говоришь?

– У него есть.

Баба зевнула. Малыш, не выходя на освещенную территорию, ему не хотелось лишний раз показывать свое лицо.

– Ну что, будете брать? – спросила баба. – Или берите, или – прощевайте. Я не собираюсь с вами всю ночь лясы точить.

Бомж ринулся к Малышу, дрожащим голосом пролепетал:

– Ну что, берем, да? Цена нормальная, сейчас, ночью, дешевле нигде не найти, я точно знаю. Две берем или одну.

– На, – Малыш сунул ему деньги. – Две бери.

Тип радостно сжал бумажки в потной ладони и бросился к бабе.

– Вот, – протянул помятые деньги. – На две. И дай нам кусок хлеба, занюхать.

– Еще чего, перебьешься, – баба на минуту скрылась в будке, вынесла две бутылки, заткнутые тугими пробками из газеты. – Держи! С завтрашнего дня цена поднимается на тысячу. Инфляция. – Она протянула Малышу два ломтя черного хлеба, посыпанного крупного помола солью, вновь зевнула. – Не даете, черти, поспать спокойно, все бы вам лакать да лакать! – и захлопнула за собой дверь.

– Ну что, по маленькой? – заискивающе заглянул Малышу в лицо тип. – У меня и стаканчик с собой есть, припас. Раскладной.

– Выпей и пошли, – сказал Малыш.

– А ты, друг?

– Я потом, без нормальной закуси не могу.

– А, помню, язва.

Малыш слышал, как бомж глотал прямо из бутылки вонючую самогонку, как отрыгивал, как шумно перевел дыхание и приник к бутылке снова.

«Да, – подумал Малыш, – этак он далеко не уйдет».

– Эй, не увлекайся!

Но Малыш опоздал, тот уже вылакал почти половину бутылки, и его сразу развезло. Он сделался агрессивным.

– Да пошел ты, я сам знаю, когда мне пить, а когда нет, – заперечил заплетающимся языком. – Я тут на вокзале – первый, кого хочу, сделаю!

И уже дальше понес всякую околесицу, не соображая, что говорит.

– Пошли.

– Вали на хрен, козел, я тебе жизнь дарю.

Малыш шагнул к нему, вырвал из рук уже почти пустую бутылку. Бомж замахнулся на него второй, полной, но потерял равновесие, выронил ее и сам упал. Больше всего его потрясло то, что бутылка разбилась, он встал на колени и замычал протяжно и отчаянно.

Малыш не сильно, но точно нанес ему удар в живот ногой, с таким расчетом, чтобы не оставлять следов, и тут же поймал себя на том, что осторожничает зря: скоро от типа останутся лишь пепел да кости.

Тип икнул и замолчал. Малыш сморщился, нагнулся к нему – отвратительно несло самогонкой и мочой. И тут ему пришла в голову еще одна идея. Он подобрал отпитую, но уцелевшую бутылку с самогонкой, тщательно вытер ее о свой костюм, несколько раз плотно сжал в руке. Надо было, чтобы на бутылке оставались отпечатки только его, Малыша, пальцев. Потом он взвалил на плечи еле живого бомжа и двинулся в сторону клиники. Предстояло отмахать еще с десятков километров. Но это его не пугало. Организм уже полностью оправился от ран, полученных на дамбе, все зажило, как на дикой собаке, которая живет без хозяина.

На половине пути, а двигался он по обочине дороги, всякий раз ныряя в кювет или прячась в кустах, когда появлялись огни машины, сделал передышку. Бомж не подавал признаков жизни, сказала добрая порция самогонки – он был мертвецки пьян.

Дотащив пьяного, становившегося с каждым шагом все тяжелее, до клиники, Малыш свалил его в кусты и перепрыгнул через забор. Все окна в главном здании зияли чернотой, лишь там, где оставалась на ночь добрая повариха, брезжил слабый свет. Малыш скользнул к окну, заглянул в щелку между шторами.

Повариха выпивала со своим любовником, – сторожем. У нее имелся и муж, но его, видно, не хватало этой дородной бабе. Она и сторожа приворожила не столько остатками со стола, сколько своим еще нестарым телом, в котором всего было вдосталь.

Малыш еще раз прошелся взглядом по окнам.

Он знал, что спальня расположена на втором этаже. Тронул входную дверь – та была на запоре. Это значило, что все больные уже спят. Тогда он быстро сбегал на хоздвор, принес из гаража канистру бензина, – там всегда хранился его запас. Облив свою пристройку со всех сторон, Малыш отнес канистру обратно, забросил в угол.

Дошла очередь до бомжа, который оставался за оградой. Малыш вернулся за ним и убедился, что самогонка продолжает действовать: парень храпел, развалившись в кустах, даже не переменяя позы. Взвалив его на плечо, двинулся к калитке в заборе. Та запиралась изнутри на щеколду. Просунув руку между штакетинами, открыл ее и внес бомжа. Потом старательно опустил щеколду. Все должно было оставаться на своих местах, даже такие мелочи.

Взяв бомжа под мышки, втащил его в пристройку и уложил на кровать. Быстро снял с него одежду, стараясь не вдыхать запах немытого тела и самогонного перегара. Парень не пошевелился за все время этой процедуры.

Осмотревшись, пришел к заключению, что пока все идет как по маслу. Одежда? Ну, от нее-то огонь уж точно ничего не оставит. Сбереженную бутылку пристроил у порога таким образом, чтобы ее непременно нашли и чтобы она не пострадала от огня. Пусть думают, будто он раздобыл где-то спиртное, напился и случайно поджег себя сам. Чего ждать от идиота, да еще пьяного?

Выйдя на улицу, убедился, что в больничном здании по-прежнему нет никаких признаков жизни – никто ничего не учуял. На все приготовления у него ушло немногим более получаса. В комнате поварихи блеклый свет потух, они залегли со сторожем спать.

«Жаркая же им предстоит ночь!»

Напоследок Малыш тщательно обшарил карманы пьяного, но никаких документов не обнаружил.

«Классический бомж, – подумал с некоторым разочарованием. – Но, может, это и к лучшему. Все равно его бумаги мне не подошли бы по годам. Он старше меня лет на десять, как минимум. А то что оказался бомжем, это хорошо, не станут искать».

Он чиркнул спичку и поднес огонек к одежде бомжа, обильно политой бензином. Она вспыхнула сразу. Огонь побежал по стенам. Срубик был сложен из толстых, но сухих бревен, дерево занялось мгновенно. Все гудело, ветер раскручивал багровый смерч, унося в темное небо мириады искр. Выбегали из здания больницы пациенты. Скоро языки пламени выбились и через крышу, затрещал шифер...

Малыш немного постоял в отдалении, а когда услышал сирену пожарной машины, быстро направился в сторону города. Дело было сделано, он покончил с легендой об идиоте и умер еще раз, теперь уже для тех, кто знал его под этой личиной. Так же, как был мертв для Посредника.

«Ничего, придет время, и я явлюсь перед ним, чтобы наказать наглеца за предательство и вернуть себе деньги, которые тот наверняка прибрал к рукам», – думал Малыш, прибавляя шаг.

* * *

Перед Морозовым лежали фотографии, сделанные милицейскими экспертами на рынке в разрушенном складе-холодильнике, где когда-то хранили мясо, привозимое из ближайших колхозов. На крюке висел труп парня – ни дать ни взять туша, приготовленная под топор рубщика.

«Давненько в городе не случалось подобного. Что это? – думал майор. – Разборки новых со старыми хозяевами рынка?»

В парне опознали рэкетира из группы, которая работала на известного всему городу Керима. Взяться бы за этого молодчика! Но его очень трудно было накрыть, он выходил чистым из любых передраг. Керим достаточно давно осел в Кузнецке, у него имелось много покровителей среди местного начальства, которых он так или иначе подкармливал. Они его защищали, оправдываясь при нужде тем, что Керим уже стал своим, а если в городе появятся пришлые, то будет куда хуже.

Отчасти майор был согласен с этим. Когда знаешь, чего ждать от преступника, то многое можно предвидеть. Страшнее неизвестность, которую несли населению новые хозяева. Раньше на эту роль все время претендовали кавказцы. Местные паханы сражались за свою территорию, и Керим, считавшийся тоже местным, всегда был на их стороне.

А нет ли связи между этим жутким убийством и событиями в доме балетмейстера?

Поход в цирк ничего не дал майору, кроме умиления собою из-за того удовольствия, которое он доставил дочери и жене. Забавно прыгали прирученные обезьянки, хохмили клоуны, но вовсе не это он жаждал увидеть. На следующий день вновь посетил цирк, но уже в служебном порядке, с черного хода, и долго беседовал с директором.

– О, номера с метанием ножей я не встречал давно, – говорил ему директор, сам бывший артист, лет тридцать проведенный на манеже. – Когда-то я знал понаслышке про одного, то ли корейца, то ли другого азиата, который работал такой номер в передвижке. Говорят, равных ему не было. Но он, видимо, давно в могиле, потому что уже тогда ему стукнуло шестьдесят. Сейчас о таких номерах не слышно. Ушли старые мастера, учить молодежь некому, да и специалисты по технике безопасности всегда начеку. Ведь номер работает без страховки, не то что, скажем, у воздушных гимнастов. У тех или внизу сетка натянута, или за спиной тросик закреплен. А в номере, о котором вы спрашиваете, только твердость руки – гарантия успеха. Чуть дрогнула – и беда.

Тогда майор обрисовал директору цирка ситуацию с карнизом. Естественно, о самом преступлении не рассказывал, просто поинтересовался, сможет ли цирковой артист пройтись по выступу в стене.

– В принципе может, – сказал директор, – но у нас, в труппе, таких мастеров нет. Так что если вы подозреваете в чем-то моих артистов, то совершенно зря. Головой отвечаю за каждого.

Морозов призадумался. В ответах директора не было твердого «нет», но в них не прозвучало и твердого «да». Значит, версия с циркачом пока оставалась в силе, ее можно было разрабатывать. Начальство теребило майора каждый день, требуя результата.

Что же касается балетмейстера, то он спешно покинул родной город и перебрался за границу, перед отъездом дав пресс-конференцию, на которой объяснял причину отъезда не материальными благами, обещанными ему зарубежными импресарио, а заботой о безопасности своей семьи.

«Вот сучка, – думал Морозов, вспоминая жену балетмейстера, – настояла на своем, увезла мужика за кордон!»

Если бы балетмейстер отложил свой отъезд хотя бы на несколько месяцев, то и скандала такого не было. А теперь ему приходилось напрягаться – или конец карьере, до сих пор, вообще-то, довольно удачной.

* * *

Дела в отношении отца балетмейстера и садистского убийства на рынке зашли в тупик, и майор решил переключиться, заняться чем-нибудь иным и вспомнил о своем обещании помочь врачу. Пошел к капитану, который вел дело о пожаре в клинике.

– А-а, – махнул рукой немолодой капитан, дослуживающий последние месяцы до пенсии, – там все ясно! Идиот больной напился да и поджег. И сам сгорел!

Майор подробно выспросил о деталях и пришел к выводу, что дело шито белыми нитками: улики сплошь и рядом косвенные.

«Уж не страховая ли компания посулила капитану льготную страховку или место начальника охраны за то, что тот в ее интересах закроет дело? Все может быть».

Но вслух он ничего не сказал, просто попросил показать ему имеющиеся вещдоки: «Может, там есть что-нибудь по моей части». Капитан недовольно пожал плечами, но спорить не стал, а отправил его к своему помощнику:

– У него все, он и покажет!

Через час Морозов уже не жалел о потраченном времени. Среди жалких остатков вещей, найденных на пожарище, кроме бутылки самогона, которая, на удивление, осталась целой и невредимой, был и предмет, напоминающий узкое лезвие ножа. Рукоятка сгорела, а само лезвие только покрылось окалиной.

– Где именно вы это обнаружили? – спросил майор, держа нож за кончик.

– Да в пристройке, – ответил помощник капитана, старлей. – Здесь все вещички оттуда.

Может оттого, что у Морозова просто не оставалось иных перспективных версий, может из-за отчаяния, а может, и просто сработало профессиональное чутье, ведь не был же он таким уж простаком в сыском деле, но найденное лезвие стилета пробудило его фантазию.

– Что еще сохранилось от парня, которого обвиняют в поджоге? – спросил он.

– Ничего, горсть пепла, – пожал плечами старлей. – Да еще его пальчики вот на этой бутылке. Пожар-то был сильный!

– А не пробовали найти изготовителя самогона? – поинтересовался майор.

– Да вы что?! В городе знаете сколько таких, что его гонят? До пенсии придется искать! Да и как его отличишь? Самогон, он и в Африке самогон! – рассмеялся старлей своей шутке.

– Кое у кого пенсия уже не за горами, – усмехнулся в свою очередь и майор, намекая старлею на его шефа. – Да и самогон теперь редкостью становится – водки-самоделки дешевой полно. А самогон самогону рознь – это тебе любой пьющий мужик скажет. Где-то же он его брал накануне пожара? Может, поищем, а?

Старлей почесал затылок. С одной стороны, работать с Морозовым в горотделе считали за честь, с ним, говорили, фартит, а с другой – капитан хотел как можно скорее это дело закрыть, свалить с плеч. Майор молод, еще долго служить будет, а капитану скоро тютю, на пенсию.

– Можно и поискать, – решил он на явно более выгодный вариант. – Да вот с какого конца начать? Я, признаться, не знаток по этой части.

Майор тут же посвятил старлея в тонкости предстоящего поиска:

– Начинать надо с самого злочного места, с вокзала. Там полно всяких человеческих отбросов, типа бомжей, проституток, работающих под беженок, – они основные клиенты самогонщиков, на водку у них денег нет, а самогон все-таки наполовину дешевле, – он выдернул бумажную пробку, понюхал и сморщился. – Дерьмовая выгонка – самый что ни есть их напиток. Пусть твои люди потолкаются на вокзале, поспрашивают, где можно купить это пойло. Только имей в виду, тут нужен соответственный маскарад. Потом перезвонишь.

Майор ушел обнадеженный, старлей тоже остался доволен тем, что установил выгодный контакт с асом розыска. Глядишь, к себе в отдел заберет, а там куда быстрее звездочку на погоны получить можно. Старлей спустил дело по инстанции. Вызвал к себе сержанта, чей маршрут во время патрулирования пролегал в районе вокзала, дал ему бутылку и задание вызнать, кто и где продает такую самогонку.

– А что тут выznать? – понюхал пробку сержант, немолодой, но телом кряжистый, крепкий, всем своим видом словно говоривший, что послужить он еще сможет лет двадцать. За работу в органах такие, как он держались, потому что на пенсию даже не поешь вдоволь, а в частные охранники, если у тебя нет звездочек на погонах, берут неохотно. Такие сержанты готовы землю зубами грызть, лишь бы не списали со службы. – Одно место я вам сразу подскажу: жена обходчика продает. Весь вокзал у нее отоваривается.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – возмутился старлей. – Да ее давно привлечь надо.

– Как сказать, – пожал плечами сержант. – Если я ее привлеку, против меня все привокзальное дно поднимется. Не жить мне тогда. Она многих снабжает. Да и сама баба здоровее любого мужика!

– Так... – старлей тут же набрал номер Морозова. – Одно место, как раз на вокзале, есть, – доложил бодро. – Что будем делать?

– Едем! – ответил майор. – Ты с вокзала? Жди меня там.

Спустя каких-нибудь полчаса все трое подошли к будке.

– Братъ ее не советую, шум будет, – предупредил сержант. – Лучше по-хорошему договориться. Она баба без комплексов, поймет. И мы ее понять должны: пятеро детей, муж почти инвалид. Она всех с этой самогонки и кормит.

– Ладно, – пообещал майор, – иди, переговори с ней, не тронем, если не станет упрячиться.

Сержант сходил на переговоры, минут через пять вернулся, махнул майору и старлею рукой, приглашая их в будку. Хозяйка – и впрямь баба-богатырь – пригласила их присесть.

– Степаныч обещал, что неприятностей у меня не будет, – напомнила строго. – Иначе разговора никакого не получится, я вас не знаю, вы – меня.

– Все останется между нами, – повторил свое обещание Морозов. – Поговорим и тут же забудем. – Он взял у старлея бутылку и показал ее женщине. – Ваше производство?

– Мое, – не глядя кивнула та.

– А откуда такая уверенность? – миролюбиво полюбопытствовал майор.

– Затычки из газет – мой фирменный знак. Можете развернуть: «Аргументы и факты».

Муж аккурат прочел, я и пустила в дело.

Морозов еще раньше разворачивал затычку – сходилось. Подробно стал выпрашивать, кому она продала в тот вечер самогонку.

– Да Зассыха приходил, – опять же без раздумий ответила женщина.

– Кто-кто? – удивился майор.

Старлей терпеливо молчал, из уважения давая говорить Морозову.

– Да Зассыха! – женщина засмеялась. – Пьянчуга, вокзальный. От него за версту мочой несет, он как напьется, так и того. А помыться чтоб, постираться – никогда. Он приходил, и еще с ним один. Но того я не разглядела, он все в темноте норовил остаться.

Женщина рассказала все, что помнила, все мелочи, но больше ничего существенного майор узнать у нее не смог. Самая ценная информация, конечно, касалась этого самого Зассыхи.

– Ну что, – сказал Морозов, когда милиционеры шли к машине, стоявшей метрах в двухстах, за путями, – надо искать Зассыху. Но, чуёт мое сердце, не найдем мы его.

– Это почему же? – удивился сержант. – Если он на вокзале околачивается, как она говорит, то найдем! У меня здесь свои люди есть, они подскажут, где он отсыпается.

– Ну-ну, – кивнул ему поощрительно Морозов, – действуйте, сержант. Если найдете, значит, Зассыхе здорово повезло, а я ошибся.

* * *

Кериму действительно не стали в подробностях рассказывать о неприятности, происшедшей на рынке с его людьми. Слишком большим человеком он был, и слишком маленькими были погибшие. Да, именно погибшие. Второго рэкетира, у которого была сломана рука, дружки не захотели положить в больницу, чтобы не светиться, у него началась гангрена, и парень сгорел в считанные дни. Его зарыли в песчаном карьере за городом – и концы в воду. Да и какая разница, один или два, пусть даже десять таких убьют, все равно, желающих занять их место и служить такому хозяину, как Керим, рады будут многие. Тот, кто отвечал за дела на рынке, уже назавтра после случившегося отрядил туда трести продавцов не двух человек, а пятерых.

* * *

Зассыху искали долго, но безрезультатно. Сержант подключил к поискам всех своих подопечных, пьянчуг и бомжей, которые так или иначе зависели от его расположения. Проверили все точки, где бомж отсыпался после принятия очередной дозы спиртного, все места, где ему могла перепасть выпивка. Зассыху никто не видел вот уже несколько дней.

– Может, сдох где-нибудь, – высказывали догадку его бывшие собутыльники, – он же в последнее время любую гадость готов был пить, главное, абы в голову ударило.

* * *

Морозов распорядился проверить все больницы и морги, а для этого взять с собой человека, знавшего Зассыху в лицо и показать ему неопознанные и не востребовавшие трупы. Тако-

вых в моргах города оказалось несколько, но ни один из них так и не был идентифицирован. Засыха словно сквозь землю провалился.

Дело о пожаре в клинике майор забрал в свой отдел, аргументировав это тем, что, по его мнению, оно имеет непосредственное отношение как к ограблению квартиры балетмейстера, так и к уже подзабытой ночной перестрелке на дамбе. Старлей, как и рассчитывал, не прогадал: Морозов взял его к себе вместе с делом.

Капитан-перестарок начал было возмущаться, потому что уже собрался было рапортовать о завершении дела. Хотелось ему перед уходом на пенсию козырнуть, но начальство предпочло прислушаться к мнению Морозова. Его доводы были весомее, брюзжания капитана. Хотя и те улики, на которых основывался майор, были скользкими, косвенными и порой, как могло показаться, притянутыми за уши.

– А потом начнут кричать, – брызгал слюною капитан в коридорах управления, – что раскрываемость падает! Как же она не будет падать, если аргументы налицо, а они роялю в кустах поверили!

* * *

Малышу было не впервой изменять свою внешность. За то время, пока он находился под наблюдением Самкова, волосы у него отросли, лицо похудело, осунулось и покрылось пушком – той скудной растительностью, которая, заменяла ему бороду. Таким все его в общем-то и запомнили. Даже сам Самков как-то сказал дежурной медсестре, что с него можно иконы писать – святых мучеников. А вот после посещения Малышом мужского парикмахерского салона, где его коротко постригли, побрили, где массаж и прочие ухищрения вернули на щеки румянец, он преобразился до неузнаваемости.

«Другой человек да и только! – с удовлетворением констатировал Малыш, изучая себя в зеркале. – Пожалуй, мне сейчас смело можно идти на рынок».

И он отправился проверить этот факт, а заодно и разведать, какие контрмеры приготовили ему тайные хозяева рынка после того, как он их припугнул. Легкой походкой свободного и уверенного в себе человека Малыш шагал между рядами торгующих, рассекая толпы покупателей, не пропуская цепким взглядом ни одной мелочи.

«Ага, вот, кажется, и они, – подумал, заметив пятерку крепких парней в коже, похожих друг на друга и одеждой, и манерой поведения. – Целая армия. Но ничего, еще не вечер, мускулов у них много, зато в головах пусто».

Он специально прошел в двух шагах от них, стараясь запомнить лица, чтобы потом, если они будут попадаться ему в городе поодиночке, знать, как себя вести.

Но сейчас он никого не собирался ни бить, ни брать на испуг – у него была другая цель. Высмотрев место, где в основном торговали выходцы из Азии, с характерным разрезом глаз, Малыш не спеша прошелся между прилавками. Ему надо было найти человека, пусть отдаленно, похожего на него внешне и примерно того же возраста.

Наконец, внимание Малыша привлек молодой парень, явно прислуживавший пожилому то ли казаху, то ли киргизу. По всей видимости, в нем, как и в Малыше, текла кровь двух рас – азиатской и европейской. С большой натяжкой тут, пожалуй, можно было говорить о сходстве. Правда, парень был чуть покрупнее его и посмуглее. Но Малыша интересовало в первую очередь сходство в чертах лица. А оно, если позволительно скаламбурить, имелось налицо.

Наметив объект, Малыш тут же поспешил на квартиру, где переоделся попроще, чтобы не слишком бросаться в глаза. Вернулся только к закрытию рынка и первым делом отыскал нужного ему парня. Оставалось незаметно проследить за ним, узнать, где тот живет, один или с кем-нибудь еще, приезжий он или местный. Если вдруг окажется местным, то дело ослож-

нятся: парня со временем станут искать, доберутся, сверяя документы, до архивов паспортного стола. А Малыш разработал сложную многоходовую комбинацию по добыче подлинного, нелипового паспорта и по своей легализации в городе. Она была трудна в исполнении, зато уж в дальнейшем гарантировала, что у него не возникнет осложнений с удостоверением личности по запросу представителей власти.

Схлынул поток покупателей, начали покидать рынок и продавцы. Малыш заметил знакомого таджика, когда тот направлялся к стоянке такси, а того, кого он ждал, все не было. Он уже начал беспокоиться – не пропустил ли? – когда наконец появился и парень. Шел рядом со своим работодателем – стариком-киргизом, и Малыш еще раз имел возможность убедиться: да, у него с парнем было внешнее сходство.

Старик и парень дождались автобуса. Малыш сел вместе с ними. Через полчаса нудной езды они вышли на окраине города. Малыш не отставал. Жила эта пара в сомнительном заведении, которое когда-то, по всей видимости, выполняло роль дома колхозника, а теперь называлось громко – гостиницей «Прима». Малыш хорошо знал такие ночлежки: в свое время, когда разъезжал с цирком, ему частенько приходилось останавливаться в подобных «номерах». Как правило, там имелось по туалету на этаж, а вдобавок – провалившиеся кровати да тумбочки с оторванными дверцами.

Убедившись, что старик с парнем вошли в гостиницу, Малыш выбрал удобную для наблюдения позицию – скамеечку в сквере напротив – и стал терпеливо ждать. Гостиница гарантировала, что парень – не местный. Можно было смело приводить в действие задуманный план.

«Не может быть, – думал он, – чтобы молодой парень просидел весь вечер со стариком в номере и не захотел прошвырнуться в город да снять, если повезет, какую-нибудь местную девчонку».

Его предположения оправдались. Минут через сорок парень, уже переодевшийся, вышел на улицу и неторопливо зашагал в сторону остановки. Малыш двинулся за ним.

Фантазия у парня оказалась незатейливой. Он проехал на автобусе пару остановок и вышел. Малыш, разумеется, тоже. Район, в котором они оказались, относился к так называемым производственным и для развлечений подходил мало. Но парень, видимо, знал точно, куда идет и твердо держался одному ему известной цели. Малышу оставалось лишь следовать за ним.

Через пару кварталов вывеска известила, что под нею находится вход в бар, где можно весело провести время – так прямо и было написано. Парень скрылся внутри; немного погодя вслед за ним туда нырнул и Малыш.

Народу было немного, Малыш сел за свободный столик, чтобы не терять парня из виду. А тот с ходу принялся отводить душу после длинного и нудного рыночного дня. Малыш видел, как ему принесли бутылку водки, закуски. А вскоре в бар вошла девица потрепанной внешности, и парень вскочил ей навстречу. К этому времени он уже успел пропустить пару рюмок.

«Ого, да у него есть постоянная партнерша! – подумал Малыш, лениво ковыряя вилкой заказанный для отвода глаз салат. – Эта девица может стать незапланированной помехой».

На помощь Малышу пришел случай. Парня после выпитого сразу потянуло в постель, а девчонке хотелось еще потусоваться здесь, потанцевать. Малыш слышал, как парень говорил ей с пьяной раздражительностью, сдабривая свою речь легким акцентом и полновесным матом: – Пошли... ты! Какого... тут делать? Пей и пошли!

Девчонка возражала, и тут у парня взяла верх та половина крови, которая была азиатской. Он замахнулся на нее... но нет, не ударил, сдержался, хмуро оглядел зал, словно хотел найти кого-нибудь другого, чтобы сорвать зло, но все отводили взгляды, делая вид, что происходящее их не касается.

Он бросил на стол несколько бумажек, сплюнул, резко встал и пошел к выходу. Девчонка растерянно и жалко смотрела ему вслед. Малыш понял: она уже жалеет, что разозлила своего партнера, другого ей найти будет не просто.

Быстро расплатившись, Малыш встал и двинулся вслед за парнем. На улице было почти темно, еще полчаса – и наступит ночь. Парень шел, чуть пошатываясь, широким шагом, но не к остановке, как думал Малыш, а просто так – в никуда, проветриться после неудачного свидания. Он поравнялся с забором, за которым строили многоэтажный жилой дом. Он был уже почти готов, оставалось лишь вставить окна и двери. Малыш понял: более подходящего момента может и не быть. Он нагнал парня, уже не беспокоясь о том, что тот его услышит.

– Тебе какого?.. – ощерился пьяный в кривой улыбке, продемонстрировав здоровые белые зубы.

– Ты зачем девушку обидел? – долго не думая, нашел зацепку Малыш. – Я хочу научить тебя вежливости.

– Она моя, я ей плачу, я с ней сплю, – парень, который был на голову выше Малыша, чувствовал себя уверенно. – Вали отсюда, заморыш! – Он двинулся на Малыша, поигрывая кастетом. Водка всю игру играла у него в крови.

– А теперь с ней буду спать я, – объявил Малыш, а чтобы не разводить со своей жертвой долгих разговоров, вдруг с силой пнул парня в известное место, которое для любого мужчины было и остается самым уязвимым. В следующую секунду тот разинутым от боли ртом растерянно хватал воздух, издавая при этом непонятные звуки. Малыш втолкнул его через пролом в заборе на территорию стройки. Парень не сопротивлялся, пятился к входу в здание, держась обеими руками за низ живота, пока оба не скрылись в темном проеме подъезда. Там Малыш, развернув парня к себе лицом, прислонил его к стене.

– Хочешь, будет еще больше?

– Не надо! – простонал тот. – Забирай себе эту шлюху, только отпусти меня.

– Откуда ты приехал? – спросил Малыш. – Отвечай быстро, иначе не уйдешь отсюда живым. И учти, я кое-что про тебя знаю. Обманешь – убью.

Парень, до смерти напуганный, и не думал ничего скрывать. Все складывалось для Малыша очень удачно. Оказывается, тот приехал поступать в институт, не поступил, стал подрабатывать на рынке, помогая приезжим торговцам, делая для них черную работу. Надеялся, что так сможет дотянуть до следующего года и тогда уж точно поступит. Родным в далекий степной поселок написал, что все нормально, что его приняли в институт, – не хотелось огорчать их своей неудачей. А потом и вовсе решил не возвращаться. Что там делать, в забытом богом поселке, где ни развлечений, ни работы?

– Кто у тебя здесь есть? – продолжал допрос Малыш. – Кроме этой девчонки.

Парень признался, что близкого знакомства ни с кем не свел, потому что стеснялся: попробуй-ка утаить, что вкалываешь подручным на рынке. А эта девчонка приклеилась к нему как-то вечером, когда он выпивал в баре. С тех пор они встречались три раза в неделю, но она ему уже порядком надоела, и он все думал, как бы от нее избавиться и найти что-нибудь поинтереснее.

– А что ты делаешь в этом доме колхозника? – спросил Малыш.

– Где? – удивился, парень.

– Ну, в гостинице.

– А-а... Я там живу. Такой уговор: в счет оплаты мне снимают номер. Так дешевле, чем жить на квартире.

Малыш еще выспросил, как зовут старика, у которого парень сейчас работает, рассчитался тот с ним или нет. Оказалось, что расчет следует за каждый день работы: те, кто его нанимает, не могут точно спланировать, на какое время им понадобится помощник.

– За сегодняшний день он с тобой рассчитался? – спросил Малыш.

– Ага, – кивнул парень, уже немного успокоенный продолжительной и довольно мирной беседой, в течение которой Малыш по крайней мере не причинял ему боли, – иначе на какие бы бабки я пил?

– Завтра ты тоже с ним работаешь? – Малышу осталось узнать совсем немного.

– Нет, – парень позволил себе расслабиться и осмотреть закуток, в который Малыш его затащил. – Он уже почти все распродал, завтра уезжает. Пойду договариваться к кому-нибудь другому.

– Нет, не пойдешь! – Малыш резким движением погрузил пятерню правой руки парню в живот и тут же вырвал ее обратно вместе с тем, что пальцы там захватили.левой же рукой успел плотно зажать парню рот, чтобы тот не закричал.

Глаза несчастного сначала от удивления, потом от боли и наконец от ужаса перед наступающим вылезли из орбит. Он сполз на бетонный пол, зажимая обеими руками зияющую дыру в животе.

А Малыш деловито и неторопливо вытер руку о его рубашку, обшарил карманы: нет ли каких-нибудь документов. Карманы оказались пустыми, если не считать небольшой пачки денег и ключа с картонным брелоком, на котором шариковой ручкой была выведена цифра – не то «6», не то «9», понимай как хочешь. Сунул купюры и ключ себе в карман.

– В каком номере ты живешь? – словно ничего особенного не произошло, спросил у парня. – Говори, а то я не успею вызвать «скорую».

В глазах у того мелькнула надежда.

– В девятом, – прошептал он.

– Отлично!

В это время по периметру стройки зажглись фонари. Малыш заспешил. Коротким тычком ладони в висок прекратил мучения парня. И вдруг услышал позади шорох. Оглянувшись: в проеме двери стояла та самая девчонка из бара. Она с ужасом смотрела на мертвого, прикрывая ладонью напомаженный рот. Зрелище подействовало на нее так, что все выпитое и съеденное в баре, неодолимо просилось наружу.

Но она пересилила приступ рвоты и с диким криком бросилась вон. Малыш в два прыжка тоже оказался под открытым небом, но понял, что девчонку ему не догнать: она уже мчалась к дыре в заборе, чтобы через несколько секунд выскочить на простор, к людям.

Взгляд упал на длинный гвоздь-стопятидесятку, благо на стройках они вечно валяются под ногами. Малыш мгновенно нагнулся, схватил гвоздь и метнул его в удалявшуюся спину. Гвоздь свистнул в полете и с глухим звуком вонзился в податливую плоть. Девчонка словно споткнулась, взмахнула руками и уткнулась лицом в землю.

Малыш постоял, прислушался, что делается вокруг, не спешит ли на крик кто-нибудь из прохожих. Но стояла тишина, время было позднее, да и кому охота бродить в такие часы возле стройки. А если кто и шел мимо, то уж бежать на крик о помощи он вряд ли отважится.

«Как это я проморгал? – с досадой думал Малыш. – Она, скорее всего, сразу же пошла за парнем в надежде догнать его и предложить мировую. Держалась за мной, а я и не заметил. В следующий раз может так не повезти. Хорошо хоть гвоздь подвернулся, иначе она успела бы уйти».

Убедившись, что кругом тихо, втащил убитую туда же, где валялся мертвый парень. Оставалось изуродовать их лица, чтобы затянулось опознание. Работа не из приятных. И опять его выручил случай. На улице послышался глухой вой. Малыш выглянул в окно: обход стройки совершала стая бродячих собак. Он негромко свистнул.

«Бродячими собаки не рождаются. Этих, видно, повыгоняли хозяева, но на свист они должны реагировать».

Вожак, беспородный кобель размером с теленка, замер на месте, повернул голову. Малыш поцокал языком, делая вид, будто что-то съестное держит в руке. Собаки осторожно

подходили к окну. Первым вскочил в него вожак, за ним еще две шавки. Малыш отступил к двери. Кобель принялся к трупам, лизнул кровь, а затем жадно принялся поедать внутренности парня. Вскоре с трупами уже справлялось шесть – семь собак. Они рычали, отпихивали друг друга. Поджарая овчарка успела отгрызть девушке нос, а шавка поменьше обгладывала тонкие, с ярко накрашенными ногтями пальцы.

У Малыша уже не хватило духу вытащить гвоздь у девчонки из спины.

«Пусть помучаются сыщики, – наконец решил он. – Это их работа».

Транспорт уже не ходил, а брать такси Малышу было не с руки. «Многие таксисты, хотят того или не хотят, работают на ментов. Начнут их опрашивать, показывать фотографии, они обязательно вспомнят, кого везли. Тем более если речь идет о ночных пассажирах».

Пришлось добираться пешком. Бывший дом колхозника спал. Малыш прикинул, что нужный ему номер где-то на втором этаже. «Как же пройти туда без шума? Может, рискнуть и рвануть прямо через парадное?»

Так и сделал. Лишь постарался казаться выше, тянулся изо всех сил, когда проходил мимо дремавшего дежурного.

– Опять ты по бабам шляешься, добрым людям спать не даешь! – пробормотал тот. – Все на тебя угомону нет, азиат чертов!

«Отлично – думал Малыш, поднимаясь на второй этаж. – Если меня уже принимают за своего, значит, все идет как надо».

Он открыл нужный номер ключом, найденным в кармане убитого, и вошел. Резануло чужим запахом, он включил свет и поморщился – такой в комнате был беспорядок. Парень складывал в угол пустые консервные банки, бутылки из-под пива, молока и спиртного – из этого угла несло одним запахом, от несвежей постели – другим, от шкафа, в котором нижний ящик был завален нестиранными носками, – третьим.

Малыш пошарил по тем местам, где могли храниться бумаги, и вскоре нашел их под газетой на полке в шкафу. Сунув найденное в карман, вышел из номера и уже собрался было уйти через окно, но передумал.

«Играть так уж играть до конца! – решил он. – Если удастся околпачить дежурного, то, по крайней мере, меня не будут искать».

Он вернулся в номер, сложил все пожитки покойного в его же большую сумку, спустился с багажом к дежурному и бросил на стойку ключ от номера.

– Что, опять к бабе? – спросил дежурный. – Ключ мог бы оставить у себя. Стоило ради такого пустяка меня будить!

– Я съезжаю, – сказал Малыш. – Нашлась одна цыпочка, очень уж хочет, чтобы я жил у нее. Сколько я там должен?

– Ничего, разве что мне на бутылку пива. За беспокойство.

Малыш оставил не на одну бутылку, а на пять. Дежурный расплылся в улыбке.

– Надеюсь, ты не прихватил простыни и полотенце?

– А я их еще раньше продал, – поддержал этот пещерный юмор Малыш. – Поэтому и решил смотаться, пока не застукали.

Он вышел на крыльцо и с наслаждением вдохнул свежий ночной воздух. Сразу же полегчало. Теперь у него имелся паспорт, который оставалось по возможности законным путем обменять на новый, но уже не с чужой, а со своей собственной фотографией. Для этого требовалось как-то закрепиться в городе, а единственный путь к этому, по мнению Малыша, лежал через брак, само собой разумеется, фиктивный. Связывать себя сейчас узами настоящего брака он не собирался. Когда-нибудь, возможно, он найдет достойную подругу жизни, которая подарит ему наследника, а уж воспитанием сына он займется сам и вырастит его настоящим мужчиной. Но это будет еще не скоро.

Оставалось найти девушку или молодую женщину, которая согласилась бы за определенную сумму зелененьких стать на время его женой. Потом, прописавшись на ее жилплощади, тоже, конечно, не безвозмездно, он потеряет этот паспорт и ему выпишут новый. Путь хоть и долгий, но зато верный, который не должен дать сбой. Пусть менты из паспортного отдела посылают запрос в далекий поселок, где проживал покойный парень. Они получают ответ, что такой-то действительно получал паспорт. Вряд ли в этом случае они станут внимательно сличать фотографии. Парня не хватятся долго, ведь все родственники уверены, что он успешно грызет в здешнем или в каком другом институте гранит науки.

Но на все это срочно требовались «бабки». И много. Пора было подумать о том, как пополнить свой текущий счет.

* * *

На одной из городских строек рабочие, выйдя после выходных на первую смену, обнаружили в холле недостроенного здания два трупа: молодого парня-полукровки и девушки, чтобы не сказать девчонки. Оба были убиты очень уж нестандартно.

– Ничего не понимаю, – качал головой медэксперт, рассматривая страшную рану в животе парня. – Двадцать пять лет стажа, и ни разу ничего подобного не видел. Практически это невозможно!

– А теоретически? – уточнил майор Морозов, срочно выехавший на место преступления, как только ему сказали, что смерть девушки напоминает смерть старика – отца балетмейстера.

– Теоретически на этой грешной земле все может произойти, – почему-то рассердился медэксперт, взглянув на Морозова из-под кустистых седых бровей. – У него кто-то просто-напросто взял и голой рукой вырвал из живота десять метров кишок. Вот вам и вся теория, майор.

И тут майор вспомнил пса из квартиры балетмейстера. У того тоже была на животе рана – след сильного удара, который парализовал собаку и позволил убийце потом ее придушить. Вот уже второй раз за довольно короткий срок теория приходит в противоречие с практикой. И смерть женщины. Она убита длинным гвоздем, который вонзился ей в спину с такой силой, что повредил спинной мозг, пройдя между позвонками.

– А это как объяснить с точки зрения теории? – спросил майор у медэксперта, кивнув на труп женщины.

– А никак! – развел руками медэксперт. – Что ты меня пытаешь, майор? Ты ведь тоже не мальчик в этом деле. Скажи, часто тебе приходилось видеть подобное? – Медик дотронулся кончиком пальца до шляпки гвоздя. – Рукой его так вколотить нельзя. Только из арбалета, но, насколько я знаю, гвоздями арбалеты не стреляют. Не вгоняли же его на ходу молотком. Она бежит, а убийца сзади – тут-тук-тук.

– Вы, медики, циники. А я еще и практик. Его метнули, как нож, – сказал Морозов. – Она бежала, он понял, что ему ее не достать, увидел гвоздь и использовал его, как метательный нож.

– Кто он? – спросил медэксперт. – Вы знаете, кто проделывает такие штуки в нашем городе?

– Пока нет, – покачал головой майор. – Но надеюсь, что рано или поздно узнаю, чего бы мне это ни стоило.

– Однако, – пробормотал медэксперт, вновь коснувшись пальцем шляпки гвоздя – монстр какой-то, а не человек.

Морозов с горечью смотрел на трупы, которые уже лежали на носилках.

«Монстр, но с очень совершенными мозгами, – думал он про себя. – Знал, что их попытаются опознать, и поэтому уже у мертвых так зверски изуродовал лица и кисти рук, что теперь никакое опознание не подскажет, как их звали».

– Если вы, майор, думаете, что над лицами и руками убитых поработал он, – сказал медик, поймав взгляд Морозова, – то это заблуждение. Могу с уверенностью сказать, что это постарались бродячие собаки, а не человек. Такое мне в детстве приходилось встречать довольно часто – в первые месяцы после окончания войны.

– Хотел объявить розыск, дать фото в газетах, показать по ящику, – смутился майор потому, что опытный медэксперт прочитал его мысли. – Но, к сожалению, сами видите, это отпадает.

Медэксперт сочувственно развел руками.

«Итак, – анализировал происшедшее Морозов, вернувшись со стройки в управление, – в городе появился некто, обладающий уникальными способностями, успевший за короткий срок натворить таких дел, что и опытному рецидивисту не под силу. Кто он? Каков мотив его поступков? Маньяк? Если бы знать, ради чего он все это делает, было бы куда легче вычислить, чего ждать дальше. Хорошо хоть, что ни о чем пока не пронюхала пресса, не подняла паники среди населения, не раздула пожар».

Все чаще мысли майора возвращались к тому странному, чудом выжившему утопленнику, которого выловил в озере старый рыбак. Морозов нутром чуял, что именно оттуда надо было плясать, клубок загадок начинался именно на озерной дамбе. Но время, увы, ушло, слишком поздно вспоминать ту ночную перестрелку. Если бы он тогда... Но что уж думать?

Это был его профессиональный промах. А что, если попробовать сделать робот-портрет того раненого, опросив всех, кто с ним имел дело? Ведь он пролежал в клинике не один день. Допросить медперсонал, врача. Возможно, они смогут помочь. Ведь в пожаре, скорее всего, сгорел не кто-нибудь, а тот самый бомж, по прозвищу Зассыха, которого до сих пор никак не удается найти.

Майор тут же, что называется, озадачил своих помощников: попросил каждый день с утра класть ему на стол подробную сводку всех происшествий в городе. Что-то подобное делалось и раньше, но со временем ручеек информации пересох. Теперь же он был уверен, что сразу отличит почерк неизвестного, как только тот проявит себя. Тогда, возможно, удастся понять, чего добивается преступник.

– Держись всегда подальше от женщин, – учил Малыша Посредник, – если не хочешь после первого же дела загреметь. Каким бы ты ни был каменным, в постели можешь невольно расслабиться, расколоться, ляпнуть что-нибудь лишнее. И тогда пиши пропало. Все они, Евины дочки, стукачки. Любят задавать всякие вопросы и не отлипнут, пока не выведут что-нибудь такое-эдакое, при помощи чего потом можно будет тебя доить, а то и вообще заставить жениться.

Малыш уже готов был пренебречь этим советом. Но сначала надо было раздобыть денег. Его внимание привлекла самая, может быть, впечатляющая на местном Бродвее, реклама: «Казино». Он теперь, пообтершись на рынке, знал, что в городе хоть отбавляй богатеньких азиатов, падких на такие вещи, как игра, выпивка, жратва и молоденькие девочки. Казино же предлагало все перечисленное в совокупности. Малыш с независимым видом направился к стеклянной двери.

Выглядел он вполне прилично, эдакий крутой паренек, зарабатывающий одному ему известным способом, что, в общем-то, никого и не интересовало, главное, чтобы у него в карманах не было пусто. Здоровенные охранники пропустили Малыша, хотя и не без напутствий:

– Если в карманах есть ножичек или еще что-нибудь острое или стреляющее, сдай в гардероб, – будешь выходить, тебе все вернут в полной сохранности. А то еще случайно порежешь пальчик.

Малыш скромно улыбнулся шутке и провел по карманам ладонями, демонстрируя отсутствие в них чего либо опасного для заведения и его клиентов.

– Проходи, только много не выигрывай!

Малыш разменял специально приготовленную пятидесятидолларовую бумажку на жетоны и вошел в игорный зал местного Монте-Карло. Он знал, что сумму, какой он располагал, проиграть можно за пять минут, поэтому не спешил делать ставки. Продолжая изображать из себя наивного паренька, которого родители регулярно снабжают приличной суммой на карманные расходы, он переходил от одного игрового автомата к другому, потом возвращался к рулетке, оставляя то там, то здесь свои жетоны – по одному.

Всякое заведение подобного толка имеет, постоянных клиентов и настороженно воспринимает появление лица незнакомого. Почувствовал это на себе и Малыш. Сначала сотрудники казино приглядывались к нему, потом, поверив, должно быть, что паренек просто пришел попытать счастья, перестали обращать на него внимание.

А Малыш между тем изучал клиентуру. Наконец он остановил выбор на тучном мужике, который обильно потел у рулеточного стола, поглощая одну банку пива за другой. Возле него паслись сразу две длинноногие сотрудницы в соблазнительно коротеньких юбочках, снабжая его этим самым пивом. Мужик то и дело похотливо лапал их по очереди волосатыми руками с пальцами-сосисками, на что девочки жеманно похихикивали и вертели своими аппетитными попками, прижимаясь бедрами к его жирным плечам, по очереди вытирая его потное лицо салфетками.

– Во дает! – уловил Малыш краем уха разговор, который шепотом вели между собой двое пожилых посетителей, стоявших недалеко от него и наблюдавших за игрой толстого мужика. – Уже полторы штуки просадил! То-то вокруг него эти две подставные подстилки увиваются. Учюяли добычу, теперь не отстанут, пока не разденут.

– Ну-у, – протянул второй, – этого им никогда не раздеть! Он столько успел наворовать, что на оставшийся век хватит.

– Да, – завистливо кивнул первый, – мы с тобой тогда не сообразили подсуетиться, а он не растерялся. Ты бы не отказался, вон ту, справа, черненькую, оттянуть? Я же знаю, у тебя слабость к черненьким. – И хихикнул.

Малыш понял из их разговора, что не ошибся в выборе, толстый мужик действительно крутой, с бабками, и теперь надо его пасти, а потом колоть. Он подошел вплотную к столу и встал поближе к толстяку, их разделяла лишь «черненькая», с которой не прочь был поразвлечься один из тех, что обсуждал и поведение и игру толстяка.

Черненькая взглянула на Малыша, и на ее невинном личике нимфетки вдруг как-то инородно блеснули глаза хищницы, оценивающей, кто перед нею: противник или просто случайный клиент.

Малыш не изменил своей роли простачка-провинциала, не отвел взгляда: ведь люди с чистыми помыслами смотрят прямо. Показал ей свои жетоны и спросил шепотом:

– Не подскажите, куда бы поставить? Я тут впервые, ничего не знаю!

Черненькая презрительно глянула на его жалкие жетоны и отвернулась, не удостоив ответом. Но Малышу плевать было на то, как она к нему отнеслась. Главное, чтобы ничего не заподозрила. Он робко положил два жетона на тот же красный квадрат, где разместил свою ставку толстяк, и, как бы невзначай поймав его взгляд, виновато улыбнулся. Тот не стал выказывать своего возмущения вслух, потому что в это время тискал блондиночку слева.

«Не клюнуло, – с досадой подумал Малыш. – Что ж, попробуем по-другому».

Он уже сообразил, что толстяка в наглую кидают, и решил как-то поставить его об этом в известность. Ведь спасая толстяка, он спасал и часть тех денег, которые так или иначе должны были сегодня переключиться в его карманы. Бывший циркач, Малыш кое-что знал о тайнах рулеток по рассказам спившегося фокусника, бывшего в свое время большой звездой большого манежа и опустившегося до передвижного цирка.

– Чет и красное! – громко заказал он, выложив оставшиеся жетоны. При этом резко сменил свой имидж, превратившись из скромного юнца в наглого завсегдатая игорных домов, для которого не существует авторитетов.

Впервые взгляд толстяка задержался на нем дольше чем на секунду. Девушки сразу же почуяли неладное и нетерпеливо стали оглядываться, призывая на помощь мужскую часть персонала казино.

– Ну, что ж ты, давай! – Малыш не сводил немигающего взгляда с рук еще одного перекрестного сотрудника казино, который чуть не ложился на стол, пока шарик рулетки бегал по кругу. И почему-то его правая рука в это время находилась внизу, под столом, но что он там делал, увидеть было нельзя.

«Наверняка магнит, – подумал Малыш. – Вот так они и обувают клиента. За это надо наказывать».

– Что давай? – спросил его растерявшийся сотрудник. – Ставку я уже сделал.

– Суй свой магнитик, не стесняйся, но не взъеши, если я тебе руку сломаю.

Малыш добился своего – привлек внимание многих клиентов; толстяк тоже начал понимать, что происходит.

Вспыхнул скандал. Малыш специально дал себя увести дюжим охранникам, их было четверо, правда, на людях они обращались с ним корректно. Но как только вышли из игорного зала и втолкнули Малыша в комнату с надежной звукоизоляцией (там, видимо, разбирались с несговорчивыми клиентами), один из них сильно толкнул его в спину.

– Говнюк! Мы тебя сейчас уделаем! Ты зачем, лидер, шум поднял?

Больше он ничего сказать не успел. Малыш применил свой излюбленный прием. Поскольку мужик был на голову, а то и на все две выше его, он сел на поперечный шпагат и почти с наслаждением, выбросив вперед правую руку, вцепился железной хваткой в то, что делает мужчину мужчиной. И в следующую секунду протянул охраннику на ладони его вырванные, извините, яйца.

Все четверо выгаращили глаза, а пострадавший широко разинул рот, даже не успев закричать, упал в беспамятстве. Малыш не терял времени: не поднимаясь, он двумя ударами усадил на пол еще двоих – у них были раздроблены коленные чашечки. После этого остался один на один с последним охранником, самым здоровым.

– Ну, что? Бить меня будешь? – тихо спросил у него Малыш. – Ах, какой ты крутой! Какой сильный! Наверное, бабы от тебя без ума, да? От него, – кивнул в сторону охранника, под которым растекалась кровавая лужа, – тоже были без ума. Что ж они теперь, бедные, делать-то будут?

Бледный, как смерть, охранник молчал.

– Смотри! – Малыш шагнул поочередно к каждому из троих. Три точных удара – в висок, в висок, в висок, – и все было кончено. – Видел?

Охранник пытался что-то ответить, но у него от потрясения пропал голос. Кивнул головой.

– И с тобой то же будет. Хочешь?

Ответом было невнятное мычание.

Охранник-гигант отрицательно замотал головой.

– Отсюда есть дверь в служебные помещения? – Малыш решил пойти ва-банк. – Ну, быстро!

– Там, – кивнул охранник на одну из дверей.

– Веди меня быстро в кассу! – Малыш легонько ткнул его носком ботинка в болевую точку на ноге.

Охранник коротко вскрикнул и заспешил, похрамывая, впереди Малыша.

«Там, в зале, вряд ли кто-нибудь меня запомнил в суете – думал Малыш, двигаясь скользящим шагом по узкому коридору, готовый в любой момент к решительным действиям. Но ему пока везло; спровоцированный им скандал в зале собрал, видимо, весь персонал казино, и в коридоре было на удивление пусто. – Если мне удастся взять приличный куш у них в кассе, то толстяку, можно сказать, крупно повезло. Пусть продолжает скандалить, отвлекать внимание».

– Здесь, – остановился охранник у двери.

– Открывай, – сказал Малыш, – и чтоб без глупостей.

Охранник толкнул дверь, но она оказалась запертой изнутри.

– Кто там? – спросили оттуда.

– Быстро отвечай! – шепнул Малыш, шагнув вплотную к охраннику и накладывая два пальца, словно железные клещи, на его позвоночник пониже шеи. – Или я тебе переломлю хребет.

– Это я, – провякал охранник.

– Валик, ты, что ли? – переспросили из-за двери.

Малыш сильнее сжал пальцы, и Валик торопливо подтвердил, что да, это он. С той стороны послышался щелчок, и дверь отворилась.

Малыш толкнул в нее охранника и проскользнул вслед за ним.

– Чего тебе? – В небольшой слепой комнатке с зарешеченным окошком, в которое клиенты передавали деньги и получали взамен жетоны, был один кассир – мужичок средних лет в полосатой рубашке и брюках с широкими подтяжками.

Малыш неожиданно шагнул из-за широкой спины охранника, скрывавшей его до этого момента и ногой нанес удар кассиру в пах. С переносицы у того сначала упали на пол и разбились очки, а потом уж он сам переломился надвое.

Малыш, не разворачивая корпус, лишь скосив глаза на охранника, двинул ему другой ногой в челюсть. Тот рухнул рядом с кассиром, стоявшим на коленях и блевавшим на пол. Малыш добил кассира ударом ребра ладони в основание черепа. Потом шагнул к двери и запер ее изнутри. Опустил металлическую шторку окошечка кассы. Посмотрел на охранника: тот был еще жив, хотя и пребывал в глубоком нокауте.

«Никогда не оставляй свидетелей», – напомнил себе Малыш и, приподняв голову охранника, резко крутнул ее в сторону. Хрустнули шейные позвонки.

В кассе оказалось почти три тысячи баксов. Кассир, словно что-то предчувствуя, сложил их по номиналам в аккуратные стопочки. Малышу оставалось лишь рассовать их по карманам, что он и не преминул сделать.

Прикинув к двери, Малыш прислушался. Впереди была немаловажная часть операции – отход. За дверью по-прежнему стояла тишина. Малыш достал из кармана носовой платок и, сделав из него повязку, прикрыл ею нижнюю часть лица. Захлопнув за собою дверь кассы, быстро пошел по коридору. В комнате, где он объяснялся с охранниками, еще никто не успел побывать: по-прежнему на полу лежало три трупа. Малыш перешагнул через них и вышел в игровой зал.

Там толстяк продолжал орать благим матом, не стесняясь в выражениях, требуя вернуть проигранные деньги. Ему что-то пытались втолковать работники казино, оживленно жестикулируя.

Малыша никто не заметил. Он сорвал с лица платок и направился к выходу. Там на этот раз стоял лишь один охранник.

– Не повезло мне сегодня, – обезоруживающе улыбнулся ему Малыш. – И проиграть не успел, и выиграть тоже. Там у вас возникли какие-то проблемы. Приду в другой раз.

Охранник проводил его подозрительным взглядом, но не остановил, чем и спас свою жизнь. Разве мог он подумать, что весь сыр-бор разгорелся именно из-за этого хлюпика?

Такие разборки в городе происходили не часто, поэтому на следующий день городские обыватели только и делали, что рассказывали друг другу ими же самими выдуманные подробности происшедшего в казино. И от рассказа к рассказу эти подробности дополнялись новой информацией, к вечеру количество трупов возросло втрое.

Говорили, что это разборки между местной и кавказской группировками, которые схватились за право контролировать доходное местечко: местные не хотели уступать казино, а кавказцы норовили подмять его под себя; что было применено автоматическое оружие, что перестрелка шла, как в самом крутом американском боевике, что кровь лилась рекой и на два пальца покрыла пол игорного зала.

Местная пресса, поднабравшаяся приемчиков у столичной, всю муссировала вопрос о некомпетентности местной милиции, которая не может-де положить конец беспределу в городе, и призывала на помощь внутренние войска.

Морозов узнал о происшествии рано утром, когда просматривал сводку. Среди длинного перечня случившегося за ночь эти пять трупов выделялись сразу же. Прослышав позднее о стрельбе, он тоже подумал, что произошла очередная схватка за влияние среди расплодившихся в городе криминальных группировок, но потом телефонный звонок от коллеги, которому выпало заниматься этим делом, направил его мысли в другое русло.

– Алло! Морозов? Привет! Это Веселовский!

Редко бывает, чтобы натура человека настолько соответствовала его фамилии. Вечный весельчак и балагур, холостяк, который никак не мог определиться в выборе спутницы жизни, капитан Веселовский к любому самому кровавому делу относился с определенной долей иронии и юмора.

– Помня твои рассказы о неуловимом сверхчеловеке, докладываю: можешь приезжать и лицезреть его шалости. По-моему, он носит с собой ломик и крушит им налево и направо. Пять трупов, разделаны под орех, но свидетели в один голос клянутся, что никакой стрельбы не слышали.

Морозов вызвал машину и помчался в казино, благо до него было пять минут езды. Все там оставалось на своих местах, ничего пока не трогали.

– Смотри, какие амбалы, и лежат, словно их сначала усыпили, а потом уже убивали, – гордо демонстрировал трупы Веселовский. – У этих двоих раздроблены коленные чашечки и височные кости. У этого вырваны, пардон, яйца. А там, в кассе, еще два трупа. И никаких следов крутой молотбы или применения огнестрельного оружия, хотя, по сути, такие ребята не должны были просто так дать себя в обиду.

Майор внимательно осмотрел каждый труп и пришел к заключению, что работал большой мастер. Удары были нанесены точно, и, действительно, создавалось ощущение, что били чем-то тяжелым. Каждый удар в голову был смертельным. Ни одного лишнего. Но вот парадокс: таких следов, какие обычно остаются на теле от удара металлическим предметом, на трупах не наблюдалось, словно били ломом, обернутым в тряпку.

– Что скажешь? – Веселовский от удовольствия, что удалось озадачить такого мастера сысканого дела, каким слыл Морозов, потирал руки. – Твой работал?

– Не знаю, – честно признался майор. – Во всем здесь есть лишь один явный элемент его почерка...

– Стоп! – перебил Веселовский. – Чур, я сам отгадаю. Вырванные яйца?

– Точно. – Морозов грустно улыбнулся. – Ты, как всегда, верх догадливости.

– Так, может, ты это дело себе возьмешь? – с надеждой спросил капитан. – Чего тебе мелочиться? Бери, пока отдаю, мне лавры Шерлока Холмса не нужны. Я в отпуск хочу. К морю. И не один. Понимаешь, познакомился недавно.

– Видимо, придется, – прервал его в свою очередь Морозов, зная, что история очередного увлечения Веселовского может затянуться. – Уговорил. Езжай в свой отпуск, надеюсь, что ты вернешься из него женатым и что яйца тебе никто вырывать не станет.

– Тьфу-тьфу, – сплюнул через левое плечо капитан.

– Чего плюешься?

– А ты догадайся.

* * *

Малыш отлично выспался после похода в казино. С утра он позволил себе лишний часик понежиться в постели, торопиться было некуда. Настроение отличное, деньги на мелкие расходы есть, город, как он надеялся, уже паникует, значит, можно заняться личной жизнью. Тем более, что прошли те времена, когда он пахал на кого-то, кто и распорядился его временем. Теперь все будет иначе. Он, Малыш, станет распорядиться временем других.

Первым пунктом в программе шла часовая разминка, в которой была приведена в движение и растянута каждая мышца; потом душ – горячий с холодным попеременно; на завтрак кусок постного отварного мяса с горсточкой риса и стакан слабо заваренного холодного чая.

Покончив с этим, Малыш оделся, спустился на улицу к газетному киоску, купил все местные газеты, вернулся к себе и вновь повалился на кровать. Подробности ночного происшествия в казино его не интересовали – он и так знал лучше всех, что там произошло. Прессу же купил для того, чтобы просмотреть объявления.

В первую очередь подчеркнул те, в которых предлагалась прописка. Вполне возможно, что, пойдя по этим адресам, он найдет за дополнительную плату и клиентку на фиктивный брак. Можно было, в принципе, обойтись и без дежурного штампа в паспорте, но к женатым мужчинам, что уже не раз доказывала жизнь, у милиции доверия куда больше, чем к холостым. А ради своего будущего Малыш решил учитывать в дальнейшем любую мелочь.

* * *

Все опросы медицинского персонала клиники, в которой работал Самков, оказались безрезультатными. Никто не мог более или менее определенно описать раненого, доставленного однажды ночью в клинику и пролежавшего в коме долгое время. Выяснилось, что примерно у десятка людей, так или иначе сталкивавшихся с больным, совершенно разное о нем представление. Ни одной приметы, которая встречалась бы в трех описаниях!

– Ерунда какая-то, – разводил руками главный городской специалист по составлению фотороботов, у которого за плечами были художественная академия и три курса мединститута. – У него словно нет лица. Вы только послушайте, – тербил он Морозова за рукав, – у одного написано, что парень был казах или кореец, а в другом описании он русский или украинец. У одних глаза неизвестного зеленые, у других черные, у третьих серые. Совпадает только одна примета, что он не моргает вообще. Но этого же не нарисуешь!

Даже сам Самков не мог воссоздать в памяти лицо больного.

«Есть тип лиц, которые не поддаются описанию, они словно горячий пластилин, который все время меняет форму, – читал Морозов как-то вечером в одной из книжек по физиономистике. – На такие лица особый спрос в специальных службах: из людей, обладающих ими, вербуют и готовят разведчиков; такие лица предпочитают иметь наемные убийцы и прочие, близкие по духу к этой профессии».

Майор вспомнил, что допросы присутствовавших при скандале в казино тоже скорее сбивали с толку, чем наводили на след. Мелькал в показаниях то просто какой-то паренек, то азиат, то вообще некое чудовище.

– Вы представить себе не можете, какой у него страшный взгляд, – рассказывал один из сотрудников казино, которого привлекли по обвинению в том, что он систематически морочил клиентов с применением мощного магнита. – Ка-ак глянет – на меня уставился так, что меня чуть кондрашка не хватил. И хоть бы раз моргнул.

«Опять этот немигающий взгляд, – думал майор. – Фантастика какая-то, мистика!»

Но Морозов и сам не мог вспомнить лицо неизвестного, которого когда-то доставил в клинику.

* * *

Стоял на окраине Кузнецка, в так называемом частном секторе, с выходом к самой реке, где причалена была моторка, не то чтобы барский особняк, но вполне солидный домик. Имелась при нем и банька, и удобства под крышей, и вода горячая, и телефон. И жил в домике некто по имени-отчеству Иван Леонидович, человек лет под шестьдесят, солидный, тихий, на пенсии.

Соседи знали о нем мало, лишь догадывались, что должность у Ивана Леонидовича до пенсии была солидная: сумел и дом такой купить, и машину, пусть и вышедшую уже из моды – шестую модель «жигулей». И очень смущало соседей то, что Иван Леонидович проживал совместно с красоткой, которая для жены была слишком уж молода, а для дочери вела себя несколько странно. Скорее всего, была она ему дальней родственницей и присматривала за домом. Но так считали бабы. А мужья их покряхтывали со значением, когда с нею встречались, и шутили, что такая домоправительница любого заставит до ста лет мужиком оставаться.

Никто и подумать не мог, что Иван Леонидович был известнейшим воров в законе и власть в городе имел неограниченную – среди тех, конечно, кто чтит воровские законы. А таких пока еще оставалось большинство. Хотя, в последнее время появились трудности, с которыми справиться было не так-то просто. Крутые ребята, дорвавшись до больших денег, в грош не ставили авторитеты, стреляли и резали без разбора, превращая жизнь в сплошной беспредел. От такого бардака страдали все, потому что милиция металась, как бешеная, хватала всех подряд, договориться с нею было трудно.

Но Иван Леонидович пока держал порядок в своих владениях. Были у него под рукой верные ребята, способные уговорить любого вести себя спокойно, действуя без автоматных очередей и массовых убийств.

– Ты ко мне приди, скажи, в чем дело. Я справедливый, если ты прав, я тебя никогда не обижу, – говорил обычно Иван Леонидович тем, кто сеял в городе панику, и тем самым не давал делать деньги по-тихому, без шума.

Наседали кавказцы, норovia взять город под свою власть. Иван Леонидович отбивался от них как мог. Пока удавалось. Узбеки лезли, с ними тоже справились, скооперировавшись с теми же кавказцами, которые осели здесь раньше узбеков.

Кличка у Ивана Леонидовича среди блатных была Долгорукий. Так его прозвали за то, что он всегда умудрялся свое урвать, достать, даже если приходилось тянуть эту самую руку на другой конец света.

– У моей руки везде пальчики есть, – посмеивался он. – Я везде свое возьму. Со мной лучше честно играть.

Мокрых дел Долгорукий не любил, но никто не верил в то, что стал он столь крупным авторитетом «сухим образом». И хитер был, как сто лисиц. В городе жил вполне официально, за все свои грехи перед властью вроде бы отсидел и теперь ушел на покой. Его не трогали, хотя знали, что длинная рука Долгорукого руководит многим в городе. Знал его и майор Морозов.

– Зачем нам нужен в городе этот Ваня Долгорукий? – спрашивал еще старший лейтенант Морозов у своего непосредственного начальника, когда Долгорукий поселился в Кузнецке и об этом узнали в уголовном розыске.

– А что, – жал плечами полковник Никаноров, ныне уже покойный, – пусть живет. Формально он чист, свое отсидел, можно сказать, пенсионер союзного значения, имея в виду его авторитет среди воров. Зато мы знаем, где его найти. Вдруг понадобится. – И хитро смотрел на Морозова.

– А зачем нам может понадобиться вор в законе? – недоумевал Морозов.

– А затем, что он как справочная служба. Надо тебе справочку навести, – приезжаешь к нему и спрашиваешь. А он отвечает. Мирное сосуществование.

– А если он меня пошлет подальше? – не унимался Морозов. – Тогда что?

– А ты должен на него что-то такое в кармане иметь, чтобы он тебя послать не мог, – вновь Никаноров хитренько улыбался. – Без козырей в любой игре проиграешь, Морозов.

И вот уже майор Морозов вспомнил совет старого сыскающего волка. Он знал, что так называемые классические авторитеты конфликтуют с новыми. Последние не признавали давно устоявшихся воровских законов. Им плевать было с высокой горы на блатную романтику, для них превыше всего были бабки. Те, кто держался старых авторитетов, и новые частенько резали друг друга по серьезному, бились из-за сфер влияния, становясь заклятыми врагами.

Новые были более жестоки, они жили одним днем, не думая о дне завтрашнем. Старые же хотели держаться в рамках разумного, доить потихоньку мелких и крупных предпринимателей, не душить их окончательно непомерно высокими сборами. Морозов знал, что Долгорукий пока старается держать в городе порядок, по возможности обходиться без кровавых разборок и что несколько раз его люди отваживали приезжих молодчиков, которые пытались ввести в городе свой устав.

«А не напроситься ли мне в гости к Долгорукому? – думал майор. – Пожалуй, в этом деле мы с ним можем стать союзниками».

* * *

Казино, в котором пошалил Малыш, формально принадлежало нескольким владельцам – акционерам. На самом же деле всем здесь заправлял Сергей Юзовский, сын бывшего крупного чиновника областного масштаба. Перед тем, как того убрали с должности, он помог сыну застолбить на центральной улице города добротное здание, оформив все бумаги так, что не подкопаешься. Не обошлось без старых связей и при организации самого игорного заведения. Недаром в акционерах ходили в основном такие же сынки бывших, как и сам Юзовский.

– Наш народ страшно любит азартные игры, – говорил старший Юзовский младшему. – Все так и норовят на халяву стать миллионерами. Вот они и получили казино. Пусть играют.

И горожане заиграли, причем так активно, что доходы перли через край, как дрожжевое тесто. На хлебное местечко начали претендовать многие. Одни просто требовали, чтобы их взяли в долю, другие хотели прибрать к рукам все. И тогда тот же старший Юзовский свел сына с Долгоруким.

Казино стало отстегивать небольшой, но стабильный процент Долгорукому, а люди последнего отвалили тех, кто норовил отнять казино у нынешних хозяев. Дело пошло в гору. И вдруг такое, сразу пять трупов!

«Опять началось, – думал Сергей Юзовский, понимая, что это событие может сбить поток клиентуры, – а конкуренты не дремлют! Их в городе, вон сколько развелось. Прав был отец, ох и любит наш народ поиграть по-крупному».

Перед Юзовским лежало несколько местных газет, в которых явно заказные статьи кричали о том, что в его казино опасно ходить, что там постоянно дерутся, стреляют, что в последнее время казино облюбовали для своих встреч бандиты.

«Надо требовать от Долгорукого, чтобы поактивнее включался в дело. Бабки любит аккуратно получать, пусть отработывает! У него свои люди и в прессе есть».

После смерти отца, который так и не смог приспособиться к новым условиям, младший Юзовский потерял много нужных концов. Вся надежда оставалась на Долгорукого. К нему-то Сергей Юзовский и отправился однажды вечером.

* * *

– Я могу прописать только временно. – Это было первое, что услышал Малыш, когда принялся обзванивать по телефону желающих заработать на прописке.

– А если мы с вами заключим фиктивный брак? За тройную цену. Что тогда? – спросил Малыш.

– Нашел дуру! – на том конце провода были настроены категорично. – Чтоб ты меня потом отравил и квартиру себе заграбастал? Гуляй, Вася!

«Почему именно Вася? – подумал Малыш. – Чуть что, сразу Вася! Других имен, что ли, нет?»

Ему не хотелось звонить, но он понимал, что надо. С неохотой набрал номер не по списку, а просто первый попавшийся на глаза в разделе «Услуги». Трубку после нескольких гудков сняли, и ответил довольно приятный молодой женский голос:

– Слушаю вас.

– Я насчет прописки, по объявлению.

– Вы читали мое объявление?

– Честно говоря, не очень внимательно.

– В нем конкретно о прописке ни слова.

– Но меня интересует именно прописка.

– Это будет стоить семьсот пятьдесят долларов. И можете не проверять: среднегородская ставка.

– Но мне нужна не временная, – заметил Малыш.

– Ради бога, хоть на всю жизнь, все равно семьсот пятьдесят.

– А как насчет еще одного небольшого предложения – фиктивного брака?

– Еще штука сверху. – Голос даже не дрогнул, словно его обладательница тем и жила, что предлагала себя для фиктивных браков. – И тоже можно хоть на всю жизнь.

– Я согласен. Как мы все это организуем? – спросил ошарашенный такой удачей Малыш. – Мне необходимо как можно быстрее.

– Это моя забота. Если можешь, – голос перешел на «ты», – приезжай хоть сейчас. Но сразу же предупреждаю: предоплата сто процентов. Или никаких дел не будет.

Предоплата немного насторожила Малыша, но он не хотел терять шанс.

– Адрес?

– Белинского, пять, нажмете три-два-семь, я вам открою.

Малыш понял, что речь идет о кодовом замке на входе.

– Через час буду, – пообещал он.

– Не забудьте деньги, иначе потеряете время зря, – напомнил ему голос, и трубку повесили.

* * *

Подругу сердца Ивана Леонидовича звали Кармен.

– Это не имя, это подарок друзей, – рассказывала она при знакомстве. – А вообще меня зовут просто – Катерина.

– Это луч света в моем темном царстве, – представлял ее гостям Долгорукий.

При свидетелях он вел себя по отношению к ней очень внимательно, галантно, даже нежно. Но когда они оставались одни, Долгорукий не утруждал себя правилами этикета и гонял свою Кармен по любому поводу матом. А она ничего, не обижалась: то ли привыкла, то ли считала, что с нею так и надо.

Кармен было двадцать пять лет от роду, и уже три из них она ходила в сожительницах Долгорукого, причем за эти три года, несмотря на огромную разницу в возрасте и, естественно, в темпераменте, ни разу ему не изменила.

– Успеешь, мне, может, всего-то лет пять и осталось по этой земле топтаться. Знаю, на тебя кобели со всех сторон кидаются, но смотри: дойдет до меня, что ты мне рога наставила, – и тебя, и хахалю твоего отправлю на тот свет, – говорил Долгорукий, лежа возле нее ночью и осторожно лаская еще крепкой рукой ее упругие груди.

– Не бойся, я верная, – смеялась Кармен. – Мне вполне хватает тебя. И вообще, зря ты на себя наговариваешь. Ты еще многим молодым фору дашь. Современная молодежь в большинстве или голубые, или импотенты.

У Кармен имелся и свой бизнес, которым она занималась еще до знакомства с Долгоруким. Придумала его сама, сама нашла людей. Этот бизнес приносил ей приличный доход. А состоял он из того, что Кармен и ее люди продавали прописку и фиктивные браки. То есть, предлагали. А когда находился клиент, его заманивали и кидали, отбирая деньги. Желающих прописаться было много. Народ валил в большой город и пытался всякими путями тут осесть. А куда без прописки?

Обычно в газетах давалось несколько объявлений, иносказательных, вроде: «Помогу с устройством на новом месте». Звонил клиент, ему называли цену, он соглашался, спрашивал адрес. А у названного дома его уже ждала «бригада скорой помощи», как Кармен окрестила своих парней. Клиента оставляли без бабок, он и доказать-то ничего не мог, если и догадывался, что попал в ловушку.

Однажды кинули человека Долгорукого, тот пришел и пожаловался шефу. Иван Леонидович изумился: до сих пор он не сталкивался с таким способом отнимания денег. Сам позвонил, сам напросился и встретился в конце концов с Кармен. Он-то на встречу пошел не один, а со своими ребятами. Хотел проучить тех, кто работал на его территории и не платил за это. Но встретил Кармен, и с тех пор она платила ему своей любовью.

Чутье подсказало Малышу прихватить ствол, доставшийся ему в первой квартире, которую он грабанул в этом городе. Слишком уж настойчиво напомнила женщина по телефону, чтобы он не являлся без денег. А если предстояла схватка, то пора было немного сменить почерк, перестать дробить кости и вырывать яйца – это становилось уж очень узнаваемым.

Улица Белинского была достаточно респектабельной, и это еще больше насторожило Малыша: обычно за бабки прописывают те, у кого не хватает на жратву. Он остановил такси за квартал до нужного ему дома, расплатился, вышел, и двинулся к месту встречи не по улице, откуда его появления могли ожидать, а дворами, как обычно ходят те, кто живет в этом районе давно.

У дома, где его должны были ждать, Малыш заметил иномарку и трех парней в традиционных кожаных куртках. Парни не сводили глаз с тропинки, что напрямую вела от автобусной остановки к дому.

Малыш снял пистолет с предохранителя, направился к подъезду. Ему все-таки хотелось проверить: а вдруг он ошибается и все будет «о'кей». Его встретят, пропишут и организуют фиктивный брак. Но если его хотят кинуть, как мальчишку, он все равно заставит мадам, которая так приятно общалась с ним по телефону, организовать ему все это, но уже бесплатно.

Подойдя к двери, он набрал названные ему по телефону три цифры кода, и тот же голос, который он слышал по телефону, пропел:

– Кто к нам пожаловал?

– Мы с вами говорили сегодня по нужному мне делу, – сообщил Малыш. – Меня интересовала прописка и брак.

– Ах да, конечно... Деньги при вас?

– При мне. – Малыш даже достал пару соток и пошуршал ими перед микрофоном.

В динамике раздался смех:

– Это не обязательно, я все вижу. Прямо над вами находится объектив телекамеры.

Малыш поднял голову и действительно увидел хитроумное устройство.

– Ну что, мне еще долго ждать, пока меня пустят? – спросил с деланным раздражением. – У меня вариантов, кроме вашего, еще полтора десятка. Я должен везде успеть.

– Минуточку, я должна надеть халат, не могу же я встретить гостя в negligee, – женщина явно нервничала, не понимая, почему медлят ее ребята.

Краем глаза Малыш наблюдал за иномаркой, до которой было метров пятьдесят: один из сидящих в машине взял трубку телефона и вступил с кем-то в разговор.

«Ага, она сейчас наводит их на меня, – понял он. – Распекла, за то, что прозевали мое появление, и говорит, мол, за дело, ребята».

И точно: говоривший по телефону, кивнул головой и положил трубку, потом двое вылезли и направились к Малышу.

– Эй, парень, ты что тут делаешь?

– А тебе-то что?

– Ты тут живешь?

– Нет, приглашен в гости, – ответил Малыш.

– Кто тебя пригласил? Ты же недоросток и слабак, разве могут приглашать таких, как ты, в гости? Ну-ка, быстро, фамилию того, кто тебя пригласил?

Малыш промолчал, ожидая дальнейшего развития событий.

– Поехали, разберемся, что ты за птица и к кому пришел, – один из парней взял Малыша за локоть.

– Да-да, иди, милый, не заставляй нас быть грубыми, – подтвердил второй, беря Малыша за другой локоть.

– Конечно, конечно, – согласился Малыш, – грубостей не надо, я их очень не люблю.

Тот, что оставался в машине, вылез и, открыв заднюю дверцу, поджидал приятелей, которые вели с собой добычу. В последний момент Малыш сунул правую руку в карман и вынул ствол.

– Спокойно, ребята, – сказал он. – Если кто-нибудь из вас сделает лишнее движение, не сомневайтесь, – продырявлю сейчас же. Уйти мне ничего не стоит, машина под боком.

Парни от неожиданности онемели. Первым пришел в себя тот, что оставался в машине.

– Идиоты, – прошипел он, адресуясь к тем двоим, которые ходили за Малышом, – вы что, не могли проверить у него карманы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.